

WIADOMOŚCI POLSKIE ПОЛЬСКИЕ ВЕДОМОСТИ

3 (51) - 2016

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI / ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ

*Bazylika Archikatedralna Świętego Stanisława
Biskupa i Świętego Władysława w Wilnie*

11 сентября 2016 г. в Краснодаре состоялось общее собрание членов Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство». Прозвучали отчёты председателя и ревизора организации о состоянии Польского центра за последние пять лет.

Прошли выборы председателя организации (им вновь стал Александр Селицкий), вице-председателя (был избран Ян Карбовницкий), определён новый состав правления (в которое, помимо председателя и вице-председателя, также вошли: Хелена Телицкая, Лариса Линская и руководитель ансамбля «Польске Квяты» Лора Козловская). На собрании был намечен план работы организации на будущий год.

края – яркая, немного шумная и, конечно, многонациональная. Было всё: и блюда национальных кухонь, и танцы, и песни, и пёстрые костюмы. Горожане, прогуливаясь по центральной (и в принципе единственной) улице этого маленького посёлка, угощались традиционными блюдами, одаривались воздушными шариками и, разумеется, хорошим настроением.

Польский краевой центр «Единство», как всегда, не остался в стороне и принял активное участие в «строительстве» многонациональной «деревни». Так появился Польский домик, где каждый желающий мог познакомиться с польской культурой, а также попробовать национальную польскую кухню и послушать польские песни. Особо хочется поблагодарить наиболее активных организаторов этого польского подворья: пани Диану Гайтына, пани Татьяну Петровскую, пани Эллу Головня, пани Лириану Богдан, пани Алину Ляхову, пана Александра Тарабановского и пана Анатоля Стражникевича.

20–25 сентября 2016 г. в Краснодаре прошёл Девятый фестиваль польского кино «Висла». Открытие фестиваля прошло довольно впечатляюще в обоих залах «Кубанькино». Все места были заняты, все свободные в здании стулья были перенесены в залы и, соответственно, тоже заняты, люди смотрели кино даже сидя на ступеньках. Открытие фестиваля прошло в уютной, почти домашней атмосфере. В нём участвовали представители руководства «Кубанькино», председатель Краснодарского краевого польского центра «Единство» пан Александр Селицкий, польский фольклорный ансамбль «Польске Квяты» под руководством пани Лоры Козловской и солист пан Анджей Живенков. Фестиваль открыл фильм «Король жизни».

Все фильмы были подобраны идеально, это редкая и очень приятная возможность прикоснуться к культуре современной Польши, не только для поляков, проживающих в Краснодаре и крае, но и для многих любителей европейского кино.

Фестиваль является частью масштабного проекта польско-российского сотрудничества, в который входит также Фестиваль российских фильмов «Спутник», ежегодно проходящий в ноябре в Варшаве.

В программу Фестиваля вошли лучшие польские фильмы, а также дебюты студентов и выпускников ведущих польских киношкол. Организаторы фестиваля из года в год стараются представлять российским зрителям своего рода квинтэссенцию польской кинематографии, лауреатов международных фестивалей, которые, к сожалению, чаще всего не попадают в российский прокат.

В 2016 году состоялся ряд встреч российской и польской молодёжи в рамках программы «Католичество и православие – две религии, одна вера», проводимой при поддержке «Центра польско-российского диалога и согласия».

СТАРТ программе дал выезд российской группы в Польшу. Отправной точкой стало прибытие наших детей в один из красивейших городов Европы – Прагу; тут же и произошло первое знакомство с польскими сверстниками, которые встретили нас в аэропорту имени Вацлава Гавела. Польские и российские дети очень быстро нашли общий язык, пользуясь при этом смесью английских, польских и русских слов. Все были очарованы Прагой – её памятниками, дворцами, парками и узкими мощёными бульварными улочками Старого Города. Уже под вечер все вместе мы прибыли в Польшу – в школу-гимназию польского города Вепш, находящегося в Силезском воеводстве, что неподалёку от границы со Словакией.

Первый день выпал на воскресенье – очень важный день для верующих в Польше. С раннего утра краснодарцы разъехались по местным семьям. Воскресное утро тут всегда начинается с похода в костёл, во всех семьях готовят традиционный набор блюд, да и много чего в польском быту происходит в соответствии с католической культурной традицией.

В Польше российская группа побывала в нескольких городах. Особенно хотелось бы отметить посещение дома-музея Папы Римского Иоанна Павла Второго (в миру – Кароля Войтылы) в городе Катовице, музея Холокоста Аушвиц-Биркенау, а также участие в символическом крестном ходе в городе Вепше. Участники выезда возложили цветы и зажгли свечи у обелиска на кладбище советских воинов-освободителей в городе Живце. Местные жители чтут память героев, погибших при освобождении города от немцев. Мемориальный комплекс красноармейцев содержится в идеальной чистоте и порядке, а у памятника всегда лежат свежие цветы и стоят зажжённые лампы.

Польско-российские встречи

В рамках программы российские дети подготовили ряд презентаций на английском языке по темам, связанным с культурой, традициями и историей православия на Кубани, а также показали своим польским друзьям один из самых любимых российских фильмов «Иван Васильевич меняет профессию» в польском переводе — ведь, как мы знаем, юмор не имеет национальности!

Перед отъездом прошли товарищеские состязания по пляжному волейболу. Прощаясь с польскими ребятами, краснодарская молодёжь уже строила планы, чем можно удивить своих польских друзей, что показать в родном крае, и, конечно, чем их угостить.

Кроме того, решено было освоить базовый польский — за время, оставшееся до приезда к нам заграничных друзей.

В сентябре поляки приехали в Краснодар. Программа выезда в Россию состояла из двух частей. Первая реализовывалась в самом Краснодаре, а вторая — в солнечном городе зимней Олимпиады, Сочи. Польских детей с радушием приняли в кубанских семьях. Главным блюдом-угощением в сентябре у нас по традиции является шашлык, который польские дети ели в каждом доме. За три дня в столице Кубани в ходе большой экскурсии по городу ребята посмотрели три главных православных храма на-

шего города — Екатерининский Собор, Свято-Троицкий собор и собор Александра Невского, а также посетили историко-археологический музей-заповедник имени Е.Д. Фелицына, где ознакомились с историей и особенностями культуры нашего края, и даже успели съездить на экскурсию в Горячий Ключ! Так как ребята из Польши и сами живут в горах, в Бескидах, в походе по предгорьям Кавказа они чувствовали себя как дома.

Конечно, все очень ждали поездки в Сочи. Помимо обязательных походов на море, мы не отходили от основной темы и осмотрели православные храмы прекрасного приморского города. Красота нового храма святого равноапостольного князя Владимира просто поражает — построенный в сказочном стиле русских былин и расположенный в горах над морем, он производит сильное впечатление. Польские дети показали в Сочи свои презентации (на тему католических культурных особенностей) и провели совместными усилиями с российской группой уроки по изучению польского и русского языков. В ходе поездки в Сочи ребята также посетили сочинский Дендрарий с его богатой коллекцией южной растительности. Конечно, юным бескидским горцам были в диковинку пальмы, растущие в горах, и тем более — съедобные ягоды на пальмах,

которыми, как оказалось, любят лакомиться попугаи в тропиках.

В ходе обмена дети двух культур — и польской-католической и российской-православной — поняли, насколько мы похожи. Уже через неделю общения появилось чувство языка (и в русском, и в польском на слух стали угадываться общие славянские корни). Насколько похожи наши конфессии, являющиеся одной общей христианской религией! Да и увлечения подростков в светской жизни как правило, не разнятся друг от друга... Они слушают одну музыку, читают одни книги, смотрят одни и те же фильмы, хоть и переведённые на разные языки. Между детьми завязалась крепкая дружба, и появилась надежда на то, что встреча эта — далеко не последняя!

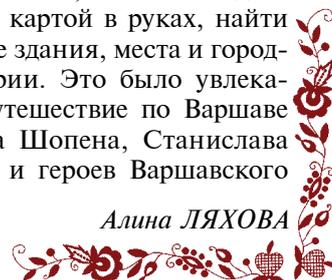
«Центр польско-российского диалога и согласия» пригласил участников всех прошедших мероприятий по обмену молодёжи в Варшаву. Дети собрались из разных уголков Польши и России, а самую дальнюю точку нашей страны представил байкальский регион. На встречи поехали и дети из Краснодара. Во время встречи проводились интеграционные игры, помогающие общаться без использования иностранного языка — в ходе которых группы и русских и польских детей постоянно перемешивали. Одна игра проходила примерно в течение 3-4-х часов, и в конце каждой дети, к своему удивлению, не могли вспомнить, как же они общались, не зная языка товарищей по команде, и как им удавалось так слаженно и легко построить весь процесс в командной игре?

Пожалуй, самой интересной частью поездки стала игра-квест в столице Польши — Варшаве. Задача была в том, чтобы находясь в группе с картой в руках, найти загаданные здания, места и городские истории. Это было увлекательное путешествие по Варшаве Фредерика Шопена, Станислава Монюшко и героев Варшавского восстания.

Алина ЛЯХОВА

Краснодарская молодёжь в Польше

**Краснодарцы
возле Варшавской Сиренки**

НАШИ родители долго и тщательно готовились к этой поездке: оформляли документы, покупали билеты, собирали нам вещи, которые понадобились бы нам в лагерной жизни.

И вот настал тот день, когда нужно было отправляться в дорогу! Пара часов перелёта — и мы в Москве в аэропорту Шереметьево знакомимся с детьми из других городов. С нами в Польшу отправлялись дети из Екатеринбурга, Казани, Москвы, Ростова-на-Дону и Санкт-Петербурга.

Далее несколько часов ожидания в аэропорту, недолгий перелёт в Варшаву, поездка на автобусе и мы прибыли в лагерь харцеров. Харцерами, как позже мы выяснили, называют детей, которые состоят в польской национальной скаутской организации.

Мы очень удивились, что будем жить в палатке в лесу, но так как были уставшими, побыстрее легли спать. В 7 утра нас разбудил крик на польском языке: **“PO-BUDKA!!!”** Спросонья мы не поняли, что происходит, да и слово это было нам не известно. Но нам быстро объяснили, что необходимо вставать. С утра нас ждали новые приключения и

В ХАРЦЕРСКОМ

Летом 2016 года детей со всей России, состоящих в полонийных организациях, пригласили на отдых в польский харцерский лагерь. В составе делегации было несколько детей из Краснодара, включая меня.

полное погружение в жизненный уклад харцерского лагеря.

Так как в лагерь мы прибыли ночью, то толком осмотреться не успели, и каково же было наше удивление, когда осознали, что находимся в палаточном городке, расположенном в сосновом бору на берегу озера. После пыльного и душного Краснодара лесная прохлада и свежесть чистого воздуха подействовали на нас ободряюще.

После подъёма нас переселили в другую палатку, где уже обосновалась польская девочка Маня. Знакомство с ней было очень приятным, надеюсь, она тоже была рада провести с нами несколько

правильно ли мы заправляли кровати. В случае, если кровать была заправлена неаккуратно, её переворачивали. Также было и с грязной посудой, которая с лёгкой руки старшего харцера без разбора летела в ближайшие кусты (это называлось „latający talerz”, то есть — летающая тарелка).

Нам некогда было скучать и тосковать по дому, так как дни были полностью наполнены событиями и интересными занятиями — даже родители стали волноваться, что мы без особого желания общаемся с ними по телефону. Мы участвовали в квестах, купались в озере, стреляли из лука, варили майки

Замок Мальборк

дней в лагере. Наши первые дни в лагере проходили в обустройстве быта. Мы мастерили полки для одежды и вещей, расчищали территорию и даже придумали название нашей палатки: «Хозяйки леса». Также главным времяпровождением было знакомство с обитателями лагеря и харцерскими традициями. Немаловажным было и то, что нашими вожатыми были поляки, и всё общение проходило только на польском языке. Нам, городским детям, далёким от жизни в походных условиях и не знакомым с обычаями и правилами польских харцеров, всё было в диковинку! Так, например, каждое утро и вечер мы участвовали в построении, у нас проверяли,

в краске, занимались на скалодроме, участвовали в песенном конкурсе. Был даже день, когда все (по индийской традиции) обсыпали друг друга разноцветными красками. В общем, мы были заняты всем тем, что больше всего любят дети — отдыхали, веселились и познавали новое.

Во время нашего пребывания мы также столкнулись и с трудностями походной жизни (например, среди ночи пошёл сильный дождь, и наша палатка промокла насквозь), но мы не унывали.

Нельзя не упомянуть о том, что мы совершили двухдневное путешествие в города Гданьск и Мальборк. Это было незабываемо, мы побывали в красивом городе на

ЛАГЕРЕ

Наша группа в Центре Леха Валенсы

берегу Балтийского моря, посетили Центр Леха Валенсы, совершили экскурсию по большому старинному замку крестоносцев. Наш опекун пан Ян Карбовницкий, к счастью, выручил нас – переводил синхронно лекции экскурсоводов с польского на русский; если бы не он, мы бы не поняли и половины того, что нам рассказывали.

Интересным событием была также экскурсия в Мамерки и в «Волчье логово» (*Wilczy Szaniec*) – ставку Гитлера, уничтоженную советскими войсками в ходе наступления 1945 года, которую организовал наш опекун пан Ян – в программе её не было. Но мы не могли не воспользоваться таким шансом, ведь Волчье логово было всего в паре десятков километров от нашего лагеря!

Незаметно смена в лагере пошла к концу, но на этом наши приключения в Польше не закончились. Вся делегация детей из

России отправилась в Варшаву, где мы провели последние три дня. В Варшаве нам удалось посетить Музей Варшавского восстания и погулять по Старому городу, сфотографироваться с Варшавской Сиренкой и даже попасть под внезапный проливной дождь!

За время поездки в Польшу мы погрузились в традиции и обычаи польских харцеров, культуру и язык этой гостеприимной страны, приобрели новых друзей, пережили много незабываемых приключений и получили заряд положительных эмоций и впечатлений. Большое спасибо хочется сказать польскому консульству за предоставленную возможность получить такой жизненный опыт!

Ну и, честно говоря, хотелось бы ещё разок окунуться в атмосферу лагерной жизни

*Елизавета СУХОМЛИНОВА,
11 лет*

Фото Яна КАРБОВНИЦКОГО

Опекуны и сотрудники лагеря

ХАРЦЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Харцерство (польск. *Harcerstwo*) – польское общественно-воспитательное движение детей и юношества, созданное по образцу британского скаутинга, делающее упор на службу, самосовершенствование и братство. Основы поведения харцера определены в «Харцерской клятве» (*Przyrzeczenie Harcerskie*) и «Харцерском законе» (*Prawo Harcerskie*).

Годом основания харцерства считается 1910. Основатель харцерского движения Анджей Малковский и его жена Ольга Драхоновская-Малковская считали, что «харцерство – это скаутинг плюс патриотизм», подчёркивая тем самым разницу в тогдашних приоритетах польского национального харцерства и интернационального скаутинга. Словом «харцер», происходящим от названия рыцарей-гарцовников, сражающихся в первом поединке, было заменено английское слово «скаут» («разведчик», «проводник»). Подготовку учили пользоваться оружием, ориентированию на местности, методам разведки в условиях соблюдения строгой дисциплины.

Различные харцерские группы в 1918 году объединились в единую организацию – Союз Польских Харцеров. В межвоенный период польское харцерство превратилось в мощное молодёжное движение, насчитывавшее 200 тысяч человек.

С началом Второй мировой войны было решено создать подпольную харцерскую организацию под названием «Серые шеренги». Организацию возглавил 24-летний харцмистр Флориан Марциняк («Новак»), а после его ареста немцами и казни в начале 1944 г. – харцмистр Станислав Броневский («Орша»). «Серые шеренги» в свою очередь делились на три организации по возрастам: «*Zawisza*» для младшего, «*Bojowe Szkoły*» (Боевые школы) для среднего и «*Grupy Szturmowe*» (Штурмовые группы) – для старшего, то есть для молодых людей уже призывного возраста. Все харцеры, находившиеся в Варшаве в момент начала Варшавского восстания 1944 года, приняли в нём активное участие. В восстании участвовали харцерские батальоны: «Зоська», «Парасоль», «Вигры»; кроме того, была харцерская рота «Густав» и харцерские взводы в других частях; девушки-харцерки были санитарками, работали на пунктах питания; почтовое сообщение в восстании осуществлялось исключительно харцерами.

После войны Союз польских харцеров был восстановлен, приближен по своим принципам и символике к пионерскому движению, включён в Федерацию социалистических союзов польской молодёжи, Всемирную федерацию демократической молодёжи и созданную при ней СИМЕА – Международный комитет детских и юношеских организаций. В 1977 году союз имел свыше 2,7 млн членов, в том числе 100 тыс. инструкторов.

В настоящее время в Польше действует несколько десятков харцерских организаций общенационального и локального уровня, двумя крупнейшими являются Союз Польского Харцерства (*Związek Harcerstwa Polskiego*) и Союз Харцерства Речи Посполитой (*Związek Harcerstwa Rzeczypospolitej*).

Z Przerwanek do Wilna,

Troki

ZADANIE wcale nie było łatwe, gdyż naszej trójce (prócz mnie dziećmi opiekowała się pani Ksenia Saitowa z Kazania oraz pani Tatiana Piskunowa z Moskwy) wypadło zajmować się trzydziestką dzieciaków z rozmaitych regionów rosyjskich. Podopieczni zauważalnie różniły się nie tylko wiekiem (od 10 do 15 lat), lecz również temperamentem oraz poziomem opanowania polszczyzny.

Wreszcie wszystkie problemy pozałatwiano, dzieci zostały odpowiednio rozlokowane i już czynnie korzystają z odpoczynku. Każdemu opiekunowi należą się dni wolne i każdy korzysta z nich na swój sposób!

Spędzać dzień wolny w obozie nie miało żadnego sensu, gdyż kiedy wreszcie nabrałem tchu, znałem już okolice jak własną kieszeń. Nawet pobliskie miasto Giżycko parokrotnie odwiedziłem niejako służbowo – celem nabycia przedmiotów pierwszego użytku dla dzieci. Korzystając z okazji odwiedziłem tam twierdzę Boyen, jak najlepiej zachowany zabytek pruskiej architektury fortyfikacyjnej z połowy XIX wieku.

Wreszcie zdecydowałem się na jednodniową wycieczkę autokarem do Wilna z zawinięciem do Troków. Jeszcze w Giżycku zanotowałem telefon agencji turystycznej, która ofiarowała tę podróż. Zatelefonowałem tam i nawet umówiłem się, że jutro rano o godzinie wpół do szóstej zabierze mnie z obozu samochodem przewodnik wycieczki pan Antoni. Nie będzie więc mnie bolała głowa w jaki sposób pokonać te 12 kilometrów do Giżycka. A to nie byle ulga, zwłaszcza, że nawet nie proszono mnie o żadną przedpłatę!

Prawdę mówiąc zamierzałem odwiedzić Wilno sam, lecz stało się

Na przełomie lipca i sierpnia 2016 roku zdarzyło mi się odwiedzić Polskę w charakterze opiekuna grupy dzieci o polskim pochodzeniu z różnych miast Rosji, zaproszonych na letni wypoczynek do obozu harcerskiego we wsi Przerwanki niedaleko Giżycka na Mazurach.

tak, że zechciała mi towarzyszyć moja córka Paulina, oraz inna Paulina – Bronowicka. Zresztą czemu nie?

Więc przed świtem senni wyruszyliśmy jak muchy w smole z obozu. Pan Antoni punktualnie zabrał nas z bocznej drogi prowadzącej przez bór sosnowy do obozu. Okazał się miał niezwykle miłą osobą w podeszłym wieku, którą żywo interesowało życie Polaków w Rosji. Droga do Giżycka niepostrzeżenie upłynęła nam w żywej rozmowie.

W Giżycku po uiszczeniu opłat wsiedliśmy do autokaru. Współpodróżni – prawie sami emeryci, po rosyjsku nikt nie mówi, lecz nas to wcale nie obchodziło. Wygodnie usadowiliśmy na tylnym siedzeniu i dziewczynki natychmiast zasnęły. W drodze przez Polskę raz tylko zbudziłem dziewczynki by ujrzaly stojące niedaleko drogi jelenie.

Osobiście zasnąć nie mogłem, gdyż łączywie pochłaniałem liczby i fakty którymi sypał nasz przewodnik. Pierwszy postój był już na Litwie. Przecież żadne granice wewnątrz Unii Europejskiej nie istnieją. Program przebywania w niewielkim osiedlu karaïmskim przewidywał między innymi degustację potraw miejscowych.

Kim są Karaïmi? Pan Antoni w drodze do Troków poinformował nas, że Karaïmi osiedlili się w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1397–1398, kiedy książę Witold po wyprawie na Krym sprowadził stamtąd kilkaset rodzin karaïmskich i tatarskich. Najpierw Karaïmi zamieszkali w północnej części Troków pomiędzy dwóch zamków wielkiego księcia przy obecnej ulicy Karaïmskiej. Później osiedla Karaïmów powstały również w Birżach, Nowym Mieście, Poswału, Poniewieżu.

Owa wersja według wymownej wypowiedzi naszego przewodnika uznana jest przez władze współczesnej Litwy. Czyżby istniały inne hipotezy historyczne?

W Trokach zatrzymaliśmy się na czas dłuższy. Odwiedziliśmy znany zamek położony na drobnej wysepce na jeziorze Galwe. Niespieszna przechadzka wokół zamku zajęła nam trochę ponad ćwierć godziny. Przespacerowaliśmy również uliczką Karaïmską, podziwialiśmy zabytki architektury tatarskiej i karaïmskiej. Sprawilo to niesamowite wrażenie,

ponieważ spotkanie tu Tatarów stanowiło dla nas kompletną niespodziankę.

Dalej już bez żadnych postojów wprost do Wilna!

Okolice Wilna sprawiały osobliwe wrażenie. Schludność panowała owszem europejska, lecz wyglądało to raczej niebogato i wcale nie przytulnie oraz czemuś kojarzyło mi się z latami 1990. w Rosji. Tymczasem przewodnik oznajmił, że po przystąpieniu do Unii na Litwie mieszkają prawie sami emeryci, gdyż młodzi szukają lepszej doli na Zachodzie. Szczególną rolę odegrało wprowadzenie euro w charakterze środka płatniczego – ceny wzrosły, natomiast dochody przestały im dorównywać.

Przewodnik mówiąc to znacząco pokiwał głową...

Wycieczka po „polskim Wilnie” zaczęła się od odwiedzenia polskich grobów na cmentarzu Rasy.

12 maja 1936 roku na pierwszą rocznicę zgonu Marszałka Józefa Piłsudskiego odbyła się uroczystość związana z wykonaniem ostatniej jego woli. Na wielkiej czarnej płycie grobowca wryto napis MATKA I SERCE SYNA oraz wiersz Juliusza Słowackiego:

*Kto mogąc wybrać,
wybrał zamiast domu
Gniazdo na skałach orla:
niechaj umie
Spać, gdy źrenice czerwone od gromu
I słychać jęk szatanów w sosen szumie
Tak żyłem.*

Za czasów radzieckich monument wcale nie ucierpiał.

Cmentarz jest zabytkiem historycznym i kulturowym o znaczeniu narodowym. Spoczywają tu zwłoki wielu znanych Polaków, wśród których Joachim Lelewel, Franciszek Smuglewicz, Józef Bałzukiewicz i inni. Odwiedziliśmy również grób znanego litewskiego malarza, mistyka, muzyka, filozofa Mikołaja Konstantego Czurlanisa. W jego rodzinie mówiono wyłącznie po polsku. Nie znając języka litewskiego Czurlanis dla napisania utworów literackich, pamiętników oraz większości listów używał jedynie polszczyzny.

Centrum Wilna, tak zwana Starówka przyciąga uwagę wszystkich turystów. Nie stanowiliśmy wyjątku.

czyli Europa bez granic

Matka Boska Ostrobramska, która jest czczona zarówno przez katolików i prawosławnych, Plac Ratuszowy, Plac Katedralny, Góra Trzech Krzyży na prawym brzegu Wilii...

Szczególniej uwagi udzielię miejscom jak najbardziej istotnym dla Polaków i Rosjan. Pierwsze to Bazylika archikatedralna Świętego Stanisława Biskupa i Świętego Władysława, która jest główną świątynią katolicką na Litwie. Tu są obchodzone najważniejsze uroczystości z okazji wydarzeń chrześcijańskich oraz państwowych. Archikatedra Wileńska uhonorowana została przez Papieża tytułem Bazyliki, czyli „Królewskiej” w 1922 roku. W podziemiach Katedry chowano najbardziej zasłużone postaci Wielkiego Księstwa Litewskiego, które pozostawiły trwałe ślady w dziejach kraju – książąt, biskupów i innych dostojników.

Pod kaplicą Archikatedry w mauzoleum królewskim spoczywają zwłoki Króla Polskiego i Księcia Wielkiego Księstwa Litewskiego Aleksandra. To jedyny władca Polski i Litwy pochowany w Wilnie. W podziemiach Bazyliki spoczywa także Vytautas Wielki, wnuk Gediminasza, jego żona Anna oraz dwie królowe – żony Zygmunta Augusta, Elżbieta i Barbara. Królowa Barbara uważana była za najpiękniejszą damę w ówczesnej Europie. W Archikatedrze znajduje się też urna z sercem króla Władysława IV Wazy.

Katedrę ustawiono w XV wieku podobno na miejscu świątyni pogańskiej. Wiąże się to wydarzenie z księciem litewskim Mendogiem, który został ochrzczony w 1251 roku, lecz po 10 latach powrócił do pogaństwa. Kościół zrujnowano i pozostałości użyto do odbudowy

świątyni pogańskiej. Dopiero po chrzcie Litwy w roku 1387 król polski i wielki książę litewski Jagiełło rozkazał ostatecznie zburzyć świątynię pogańską i znów odbudować kościół Świętego Stanisława.

Świątynia kilka razy ulegała zniszczeniu, w tym na skutek pożarów, i była odbudowywana. Podczas obu wojen światowych i w okresie międzywojennym w świątyni odbywały się nabożeństwa. Za czasów radzieckich gmach kościoła przeznaczono na magazyn. W 1950 roku z dachu usunięto i zniszczono figury świętych zdobiące fasadę. Od 1956 roku rozmieszczono tu Galerię Obrazów, zaś w kaplicy Świętego Kazimierza założono organy i co niedziela dawano tam koncerty muzyki organowej. Po pewnym czasie koncerty przeniesiono do wielkiej sali, gdzie niemiecka pracownia „Alexander Schuka” wyremontowała stare organy. W 1966 roku powstała ciekawa tradycja – coroczne sylwestrowe wykonywanie „Symfonii Pożegnalnej” Józefa Haydna. W Galerii Obrazów miało występy mnóstwo znanych muzyków z Litwy, Rosji, Francji i wielu innych krajów.

Dopiero w 1985 roku władze zezwoliły na nabożeństwa w Galerii Obrazów. W lutym 1989 roku świątynia została poświęcona, zaś w marcu przeniesiono tu z kościoła Świętych Piotra i Pawła relikwie Świętego Kazimierza. W październiku tegoż samego roku Katedra została ostatecznie przekazana katolikom. Od 1993 roku fasadę Katedry znów zdobią figury świętych. Wtedy też powstała nowa tradycja uroczystej inauguracji Prezydenta Litwy. Po zaprzysiężeniu i defiladzie w Katedrze odprawiana jest msza w intencji

osoby obejmującej wysoki urząd oraz odbywa się poświęcanie sztandaru.

Ciekawostką turystyczną Katedry stanowi o 170 lat starsza jej część – kaplica Świętego Kazimierza Patrona Litwy. W ołtarzu kaplicy w srebrnej trumnie znajdują się relikwie tego świętego a także przedstawiający go obraz z trzema rękoma. Podobno artysta malując wizerunek królewicza usiłował zamalować niezbyt udaną rękę, malując inną. Ta «trzecia» ręka zawsze wyłaniała się spod farby, co uznano za cud, i już pozostała na obrazie. W niszach w rogach tej kaplicy stoją drewniane, posrebrzane posągi królów z dynastii Jagiellonów i królewicza Świętego Kazimierza. Uwagę przyciąga też, ustawiona po lewej stronie obok ołtarza drewniana, połączona ambona w kształcie kielicha unoszonego przez ukoronowanego orła z rozpostartymi skrzydłami. Według legendy była to przenośna ambona księdza Piotra Skargi. Zabytkowe, z XVII wieku, są również dwa duże malowidła ściennie w tej kaplicy.

Drugie miejsce, które sprawiło na nas wielkie wrażenie, to starodawna Cerkiew Świętej Paraskewy Piatnicy. Jest to najstarsza murowana chrześcijańska świątynia w Wilnie. W czasie wojny Północnej cerkiew odwiedził Piotr Wielki, który modlił się w niej o zwycięstwo nad Szwedami, a po powrocie przekazał świątyni część zdobytych szwedzkich sztandarów. Piotr Wielki asystował w tej cerkwi przy chrzcie Abrama Hannibala, późniejszego pradziadka poety Aleksandra Puszkina. Do wydarzenia tego nawiązuje wzniesiony w 2011 roku w sąsiedztwie cerkwi pomnik przedstawiający postacie Puszkina i Hannibala na tle dwóch złączonych dłoni, ponad którą wyrasta prawosławny krzyż.

Trafiłszy tu przypadkowo podczas samodzielnej dwugodzinnej wędrowki po wileńskiej Starówce.

Droga powrotna była spokojna i szybka. Znużony pan Antoni zamilkł i dał nam możliwość obejrzeć klasyczną polską komedię „Przygody kanoniera Dolasa, czyli Jak rozpętałem Drugą wojnę światową”. Dziewczynki, które heroicznie trzymały się w ciągu dnia, zasnęły. Pobudka o 5 rano oraz długa wycieczka dały się we znaki.

Na piękne zakończenie wspaniałego i z pożytkiem spędzonego dnia złożyła się bezinteresowna propozycja pana Anatola podrzucić nas samochodem wprost do obozu.

Jan KARBOWNICKI

Wilno

«Z WYKLE opowiada się dowcipy na jego temat albo anegdoty z nim związane, ale warto o nim powiedzieć parę słów poważnie» - mówił o aktorze Krzysztof Kieślowski. – «Wydaje mi się dość wyjątkowym w Polsce przypadkiem aktora, który ‘sprawdza się’ we wszystkich gałęziach sztuki, które uprawia, to znaczy sprawdza się Stuhr i w filmie, i w telewizji, i w teatrze. Z czego to wynika? Myślę, że decydują o tym dwa elementy, o których warto powiedzieć. Pierwszy stanowi technika, wspaniała technika, opanowana do perfekcji we wszystkich właściwie szczegółach. Druga rzecz, niemniej istotna, przydatna zwłaszcza dla kina, to jego znajomość rzeczywistości. A ponad tymi dwiema umiejętnościami góruje inteligencja. (...) On rozumie po prostu wiele z tego, co się dzieje dookoła» (wypowiedź w programie telewizyjnym «Twarze teatru: Jerzy Stuhr», za: Krzysztof Miklaszewski, «Twarze teatru. Jerzy Stuhr», KAW 1981).

Jerzy Stuhr ukończył polonistykę na Uniwersytecie Jagiellońskim (1970) i Wydział Aktorski Państwowej Wyższej Szkoły Teatralnej w Krakowie (1972). Podczas studiów związany był z krakowskim *Teatrem STU*, po dyplomie został zaangażowany do *Starego Teatru* w Krakowie. Jednym z pierwszych przedstawień, w których zagrał były *Dziady* Adama Mickiewicza w reżyserii Konrada Swinarskiego (1973). Stuhr przyznawał, że spotkanie z tym reżyserem na początku teatralnej pracy było dla niego bardzo ważne.

«(...) pozostała we mnie pewna, nazwijmy to, metoda: że tym bardziej moje aktorstwo będzie wartościowe, im więcej mnie będzie kosztować. Konrad wszczepił we mnie tę definicję zawodowej działalności: im intymniej mówię, tym bardziej zmuszam się do wypowiedziania, tym jest to wartościowsze» (za: Joanna Walaszek, «Konrad Swinarski i jego krakowskie inscenizacje», Warszawa 1991).

W *Dziadach* Stuhr wcielił się w postać Belzebuba – będącego doskonałą przeciwagą dla Konrada. [Belzebub] «Zaznacza trwającą w dramacie historycznym obecność dramatu metafizycznego» – pisała Joanna Walaszek. – «Belzebub przechodzi do dramatu historycznego nie po to, by wyznaczać sfery dobra i zła, ale żeby służyć, prowokować,

siąc zwątpienie» («Konrad Swinarski i jego krakowskie inscenizacje», Warszawa 1991).

I tak też, bardzo cieleśnie, jednoczył się z Konradem-Trelą Stuhr-Belzebub, kiedy w scenie poprzedzającej egzorcyzmy, aktor rzucał się na Konrada, oplatając i jakby wsysając jego ciało.

W latach 70. Stuhr stworzył znakomite kreacje w polskim kinie. W *Wodzireju*

Bliznie (1976) i w *Spokoju* – filmie nakręconym w 1976 roku i na cztery lata zatrzymanym przez cenzurę. Wcielił się tutaj w postać robotnika Antoniego Gralaka, który po wyjściu z więzienia próbuje na nowo ułożyć sobie życie, szuka swojego «małego szczęścia». W 1979 roku w *Amatorze* Stuhr rewelacyjnie zagrał zaopatrzeniowca Filipa Mosza – człowieka, w którym rodzi

JERZY STUHR

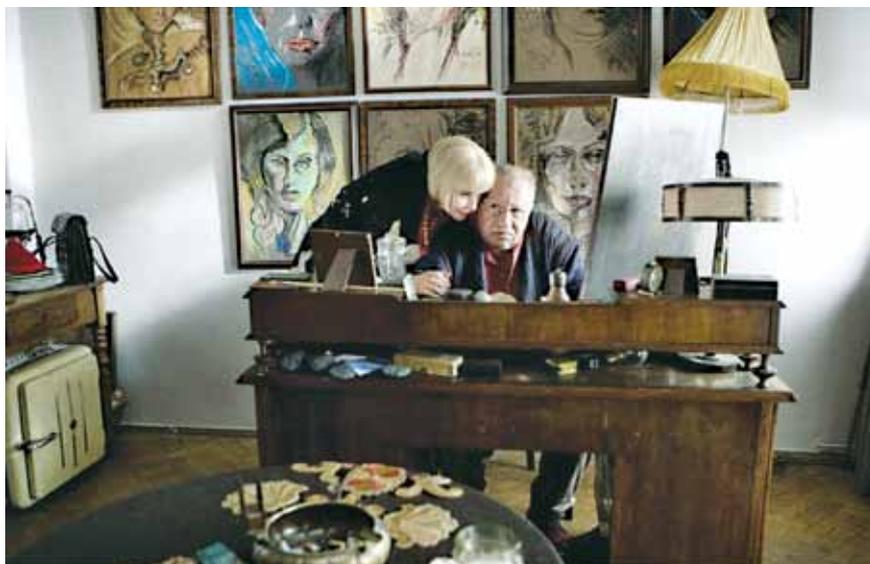
Aktor i reżyser teatralny i filmowy; pedagog. Jeden z najpopularniejszych i najbardziej wszechstronnych polskich aktorów. Urodził się 18 kwietnia 1947 roku w Krakowie.

Feliksa Falka zagrał Lutka Danielaka (1977) – parweniusza i przebojowego dorobkiewicza, który bezwzględnie, ale i z pewnym urokiem, dąży do osiągnięcia życiowego sukcesu, dla kariery jest w stanie poświęcić wszystko.

«Danielak jest wszystkim – lwem i wilkiem, tchórzem i napastnikiem» – pisał Ryszard Koniczek. – «Każdą nową sytuacją automatycznie wydobywa z niego reakcje, które są skuteczne. Czy wyobraźnia społeczna nie podziwia tej właśnie dyspozycji, nazywając ją ‘siłą przebicia’? Szczerość i autentyczność wszystkich reakcji bohatera stanowi dodatkową nieskalkulowaną, niewymyśloną barwę ochronną tej postaci. Siła przebicia – jest pojęciem technicznym, czy socjotechnicznym. Falk swoim filmem nadaje temu pojęciu wymiar moralny, a zarazem społeczny» («Kino» 1978, nr 7).

Wcześniej Stuhr zaczął współpracować z Krzysztofem Kieślowskim. Zagrał w

się i dojrzewa potrzeba sztuki. Mosz, pracownik zakładu przemysłowego w podkrakowskim miasteczku kupuje kamerę. Na taśmie filmowej utrwała życie rodziny, a potem także zakładu. Zaczyna odnosić sukcesy, także za cenę uległości i kompromisu – poddaje się woli dyrektora, który nakazuje mu wycinać niektóre sceny. Stuhr bardzo autentycznie pokazał metamorfozę swojego bohatera, który z zahukanego pracownika staje się świadomym twórcą i jest w stanie bronić twórczej wolności, ale równocześnie potrafi też, w imię odpowiedzialności za drugiego człowieka, zaniechać własnych aspiracji. Ciekawą rolą Stuhra w tamtym okresie była postać Ejmonta - nauczyciela historii w prowincjonalnym liceum z *Szansy* Feliksa Falka (1979). Po postaciach dwuznacznych moralnie – asystenta dyrektora Bednarza z *Blizny*, recenzenta Głosowicza z *Aktorów prowincjonalnych* Agnieszki Holland (1978) i adwokata

Jerzy Stuhr w «Mistyfikacji», 2010

Porębowicza z *Bez znieczulenia* Andrzeja Wajdy (1978) Stuhr w filmie Falka zagrał postać szlachetną, humanistę – człowieka nieustępliwego, który potrafi samotnie walczyć w imię swoich ideałów. W latach 70. Stuhr wyrósł na aktora kina moralnego niepokoju, w którym ówczesne pokolenie odnajdywało swój portret. W 1980 roku Wiktor Woroszyński pisał, że istnieje:

«(...) aktorstwo ról i wcieleń wzajemnie ze sobą związanych, które nakładają się na siebie i tworzą nie tylko biografię artysty, lecz znak, obraz czegoś poza nim, jakiegoś losu, jakiejś współczesnej aktorowi kondycji» («Więź» 1980, nr 1).

W tym właśnie nurcie autor umieszczał Stuhra, sam aktor przyznawał:

«(...) jeszcze trzy, cztery lata temu spokojnie pracowałem w teatrze, chodziłem tymi ulicami, wspinałem się po tych różnych szczebelkach. I naraz przyszedł film. I z dnia na dzień, w postępie geometrycznym, zmienił się wokół mnie świat. Usłyszałem o sobie, że reprezentuję jakieś pokolenie, zobaczyłem siebie, że jestem» («Kino» 1980, nr 2).

Na początku aktorskiej kariery przyszło Stuhrowi zmierzyć się z bardzo trudnym zadaniem. Dwóch reżyserów, z którymi później aktor będzie jeszcze wiele razy współpracował – Andrzej Wajda i Jerzy Jarocki, powierzyło mu zastępstwa głównych ról w wybitnych inscenisacjach. U Wajdy, zastępując Wojciecha Pszoniaka, Stuhr zagrał Piotra Wierchowieńskiego w adaptacji *Biesów* Fiodora Dostojewskiego (1971). W *Matce* Witkacego w reżyserii Jarockiego (1972) wcielił się w postać Leona, graną dotychczas przez Marka Walczewskiego. Obie role poprzedników uznane zostały

za wybitne aktorskie kreacje, i chociaż nie brakowało głosów, że Stuhr ograniczył się do naśladownictwa, to jednak zwłaszcza w roli Wierchowieńskiego dał tej postaci własną interpretację.

«Stuhr przechodzi całą gamę nastrojów» – pisał Krzysztof Miklaszewski – «od zgrzywanej przebiegłe nieśmiałości do wybuchu, który wyzwala erupcję wizji» («Twarze teatru. Jerzy Stuhr», KAW 1981).

Zresztą, po latach, Stuhr jeszcze raz zmierzył się z przełożoną na scenę prozą Dostojewskiego w postaci Porfirego Pietrowicza ze *Zbrodni i kary* w inscenizacji Andrzeja Wajdy (1984). Razem z Jerzym Radziwiłowiczem-Raskolnikowem stworzyli doskonały duet aktorski.

«U Wajdy są dwa potwory na scenie, każdy inny i każdy równie odpychający (...)» – pisał Janusz Majcherek. – «Porfiry

Jerzy Stuhr w filmie «Seksmisja» w reżyserii Juliusza Machulskiego, 1983

Jerzego Stuhra jest artystą w swoim zawodzie. Gra, to pewne. Stuhr gra, że gra, od samego początku wie wszystko, pasjonuje go rozgrywka. (...) Rola Stuhra jest chwilami przerysowana, nigdy jednak nie zbliża się do karykatury. To byłoby za łatwe. Jeśli Porfiry momentami bywa pajacem, to z wyrachowania. Na jednym piętrze gra, na drugim sam siebie obserwuje. Potworność polega na tym, że robi to wszystko z zamilowania, kocha swoją ofiarę miłością oprawcy i postępują z nią wedle zasady 'milsza mi droga niż przybycie' («Teatr» 1985, nr 1).

Kreację Porfirego poprzedziły inne role w teatrze Wajdy i Jarockiego. Stuhr zagrał Wysockiego w *Nocy listopadowej* Stanisława Wyspiańskiego (1974) oraz AA w *Emigrantach* Sławomira Mrożka (1976) – spektaklach Wajdy.

«... 'Emigranci' to sztuka na dwie role. Wajda obsadza je aktorami o kontrastowych warunkach» – pisał Bronisław Mamoń. – «Jerzy Stuhr (AA) jest drobny, szczupły, nerwowy. Jerzy Bińczycki (XX) - wysoki, barczysty, trochę przyciężki. AA z wyglądu typowy inteligent z wszystkimi jego wadami – fizycznym niedołęstwem i

wewnętrzną nadwrażliwością. XX – sama siła, żywioł i dzikość natury. (...) W tym aktorskim koncercie na dwie osoby a jeden instrument są fragmenty grane forte i piano, vivace i moderato, w tonacji przeważnie smutnej. Obaj wykonawcy są świetni w momentach nacierania na siebie, walki na słowa i na siekiere. AA – historyczny i ironiczny przez nadmiar świadomości, XX – groźny jakąś pierwotną siłą, która kiedy wybuchu niszczy wszystko» («Tygodnik Powszechny» 30 maja 1976).

Stuhr znalazł się także w obsadzie nie zrealizowanego, bo przerwano tragiczną śmiercią reżysera, *Hamleta* w reżyserii Swinarskiego. Miał zagrać Horacego. W 1981 roku w *Starym Teatrze*, z kolei Wajda, zmierzył się z dziełem Stradfordczyka, powierzając Stuhrowi rolę tytułową, najpierw w *Hamlecie* (Sceny i monologi), a później w pełnej scenicznej wersji dramatu – *Tragicznej historii Hamleta* (1981). Stuhr zagrał Hamleta wydobywając dowcip i ironię swojego bohatera, a także podkreślając jego aktorskie i reżyserskie zacięcie.

«Symulacja obłędu (...)» – zauważał Krzysztof Miklaszewski – «staje się w wykonaniu Stuhra zabawą przewrotną i okrutną. Przewrotną wobec siebie, okrutną wobec otoczenia» («Twarze teatru. Jerzy Stuhr», KAW 1981).

Michał BUJANOWICZ
[Za zezwoleniem Portalu Culture.pl]

Jerzy Stuhr w «Bohaterze roku», 1986

Что такое «Польский трубоч», или

Горничная за глажкой белья

ЗАСЫПАТЬ в утюг раскалённые древесные угли и хорошенько прогреть его, затем поддерживать в нём нужную температуру регулярным подогревом или раздуванием тех же углей. Быт наших предков трудно представить без утюга, причём был он не просто практичным предметом, но и показателем достатка. Многие утюги изготавливались не только как утилитарные предметы, а как высокохудожественные изделия – с богатым декором, украшением литыми фигурами, ковкой. Некоторые предшественники современных утюгов были настоящим произведением искусства. Конечно, они не могут сравниться с удобством и технологичностью современных моделей, но тем не менее являются объектом коллекционирования и всестороннего изучения.

Энтузиаст своего дела, лидер движения пресофилов (*пресофилия* – коллекционирование утюгов; не путать с *пресофилией* – коллекционированием печатных изданий) на постсоветском пространстве Владимир Горячев даже составил обширный каталог польских производителей утюгов с заводскими клеймами каждого из них.

Утюги тогда делали только из чугуна, и Польша не была исключением, наоборот – в Россию первые чугунные утюги попали именно вместе с

Совсем ещё недавно, менее века назад, глажение белья и одежды напоминало затейливый и сложный ритуал, требующий немало терпения и физических усилий. К нему надо было основательно подготовиться.

поляками и литовцами во время Смутного времени (1598–1613 годы). А до этого бельё, считай, и не гладили – его разминали до тех пор, пока оно не становилось мягким.

Первые утюги были очень примитивны – чаще всего они представляли собой цельную чугунную болванку с ручкой и отполированной подошвой. Такие утюги нагревались на

Угольный утюг
SŁOWIANIN KOŃSKIE

печи долго, не менее получаса. В прачечных у гладильщиц был целый набор утюгов – от больших, для толстых тканей, и до

Угольный утюг
SŁOWIANIN KOŃSKIE

Латунный утюжок
SŁOWIANIN KOŃSKIE

миниатюрных, так называемых «манжетников».

Чуть позже стали делать утюги на угле, а затем и электрические.

Утюги с трубой были следующим витком развития угольного утюга. Это – изобретение начала XX века. В Польше они были очень популярны. В обычном утюжке без трубы по периметру платформы располагались отверстия, через которые при глажении на материю мог просыпаться пепел и даже – мелкие угольки, которые прожигали и пачкали изделие. В утюгах же с трубой этого не происходило из-за закрытой конструкции платформы. «Работал» такой утюг по принципу русской печки – доступ воздуха происходил через поддувало, расположенное в торце утюга, а труба создавала тягу.

Таким образом, необходимость раздувать утюг, махать им из стороны в сторону (помните песню из фильма «Весёлые ребята»: «Тюх, тюх, тюх, тюх... Разгорелся наш утюг?») отпала, и бельё всегда было чистым.

Заслонки поддувала, с помощью которого регулировалась

Чем гладили наши прабабушки?

«мощность» утюга, на таких моделях делали в виде лица бога морей Нептуна (NEPTUN KOŃSKIE), Ветродуя (SŁOWIANIN KOŃSKIE, S. KRONENBLUM KOŃSKIE), льва (FERUM RADOM).

Интересная деталь – среди любителей утюгов с трубами ходит поверье, что на заслонках поддувала изображён писатель Лев Толстой – мол, он в 1901 был предан Церковью анафеме, вот и «поместили» опального писателя поближе к пеклу. На самом деле эта легенда не имеет под собой никаких оснований.

Внутри такого утюга помещалась колосниковая решётка. Она применялась в угольных утюгах для равномерного распределения температуры по подошве – в целях предотвращения образования единичных очагов жара на её поверхности, а также в качестве зольника.

Утюги с трубой имели градацию по размерам от №6 до 10А, соответственно различался и вес. Самый большой утюг в линейке польских «трубачей» весил до 6 кг, а самый маленький – около 2,5 кг.

Рукоятки «трубачей» были уникальны и узнаваемы – в них

Противоожаровый экран на ручке «трубача» NEPTUN KOŃSKIE

применялся противоожаровый экран в виде металлической бляхи с логотипом производителя, который защищал руку от ожога.

В моей коллекции самый большой «трубач» – фирмы METALURGIA CZĘSTOCHOWA с номером 10 и весом 5,7 кг.

Утюг с двойным засовом

Утюги с трубой бывают для левой и правой, с запором крышки налево или направо. В основном, конечно, выпускались утюги для правой, реже встречаются для леворуких людей. Но бывают и исключения. В этом утюге – универсальный засов на обе стороны, что встречается весьма редко.

Если же вам кажется, что чугунные утюги – дела давно минувших дней, то это не так. Доказательством этому служат сохранившиеся каталоги производителей (например, каталог

Автор с «трубачом» в руках – METALURGIA CZĘSTOCHOWA

литейного завода Шломы Кроненблума 1939 года). Вторая мировая война, конечно, внесла свои коррективы, но и после неё электрическая розетка была далеко не в каждом польском доме, да и позволить себе электрический утюг мог не каждый.

И можно смело утверждать, что прабабушки и бабушки наши гладили бельё чугунными утюгами вплоть до 60-х годов минувшего века.

*Олег ЗУБАРЬ,
Брест*

Гладилица белья

При подготовке статьи использовалась монография Здислава Гротомского в переводе Игоря Друтько, «История литейных заводов, включённых в состав Концецких литейных заводов 1889-1947гг.». Все утюги на фото – из собственной коллекции автора.

Вестфальский утюжок «с душой»

Памяти Эдуарда УСТИНОВА

(23.10.1997 – 19.09.2016)

*Неожиданно и трагично ушёл из жизни
член нашего Польского центра Эдуард Устинов.*

СЮНЫХ лет он активно участвовал в полонийной деятельности нашей организации, неоднократно бывал в детских лагерях в Польше, многократно совершал пешие паломничества

к Ченстоховской Иконе Божьей Матери. Мы гордились им, как талантливым студентом факультета романо-германской филологии Кубанского госуниверситета, успешно окончившим первый курс.

*Доброй ночи, милый принц. Пусть часы и бьют упрямо,
Ты останешься для нас только молодцем кудрявым.
Знаешь, это всё так странно. Мне не хочется идти,
Зная, что мои друзья не живут до двадцати,
Не женившись, без гнезда, оставляя за собой
То, что было и со мной – я срываюсь вдруг на вой!*

*Нет, я понял всё и принял, всё закрутится и дальше,
Но всегда со вкусом соли и всегда в убогой фальши.
Будто не было тогда нас, будто это про других –
Те дороги, что прошли мы – шагом в шаг,*

от сих до сих.

*Не ищу путей забыться, жизнь – она возьмёт своё:
Если кто-то вдруг уходит – мы покорно отдаём.*

*Нам нельзя иначе, знаю. Ведь мы люди – всё дела.
Только ты нам снись почаще. Свет тебе.*

У нас – здесь – мгла.

*Всё на своих местах. Всё по своим законам.
Увидимся, быть может, и нескоро,
Но точно встретимся, отбросив сердца стук.
Покойся с миром, добрый милый друг.*

*Амиго ИЛЬГРИ
2016*

ŁAMAŃCE

CHRZĄSZCZ

*Chrząszcz brzmi w trzcinie w Szczebreszynie,
W szczękach chrząszcza trzeszczy miąsz,
Czcza szczypawka czka w Szczecinie,
Strząsa skrzydła z dżdżu.
Chrząszcza szcudłem przechrcił wąż,
A trzmiel w puszczy tuż przy Pszczynie,
Straszny wszczyzna szum...*

MOJŻESZ

*Szedł Mojżesz przez morze,
jak żniwiarz przez zboże,
a za nim przez morze
trzy cytrzystki szły.
Paluszki cytrzystek
nie mogą być duże
gdyż w strunach cytry
uwięzłyby.*

SZCZEPAN SZCZYGIEL

*Szczepan Szczygiel z Grzmiących Bystrzyc
Przed chrzcinami chciał się przystrzyc.
Sam się strzyc nie przywykł wszakże,
Więc do szwagra skoczył: – Szwagrze!
Szwagrze, ostrzyż mnie, choć krztynę.
Bo mam chrzcinę za godzinę.
Nic prostsze – szwagier na to,
Żono! Brzytwę daj szczerbatą,
W rżysko będzie strzechę Szczygła
Ta szczerbata brzytwa strzygła.
Usłyszawszy straszną wieść
Szczepan Szczygiel wrzasnął: – Cześć!*

TRZNADEL

*W krzakach rzekł do trznadla trznadel:
– Możesz mi pożyczyć szpadel?
Muszę nim przetrzebić chaszczce,
bo w nich straszą straszne paszcze
Odrzekł na to drugi trznadel:
– Niepotrzebny, trznadlu, szpadel!
Gdy wytrzeszczysz oczy w chaszczach,
z krzykiem pierzchnie każda paszcza!*

PCHŁY

*Szła pchła, pchnęła pchłą i pchła płakała,
że pchła pchłą popchała.
Szły pchły koło wody,
pchła pchłą pchła do wody i ta pchła płakała,
że ją tamta pchła popchała.
Szły pchły po linie. Pchła pchłą pchała,
i pchła płakała, że pchła pchłą pchała.*

TRZY WSZY

*Raz w szuwarach się zaszywysz,
w jednym szyku wyszły trzy wszy.
Po chwili się rozmnożywszy,
ruch w szuwarach stał się żywysz.*

INDYWIDUALIŚCI

*My indywidualiści wyindualizowaliśmy się
z rozentuzjanowanego tłumu,
który oklaskiwał przeintelektualizowane
i przeliteraturalizowane dzieło.*

GORYL

*Turlał goryl po Urlach kolorowe korale,
rudy góral kartofle tarł na tarce wytrwale,
gdy spotkali się w Urlach góral tarł, goryl turlał,
choć sensu nie było w tym wcale.*

REWOLWEROWIEC

*Rozrewolweryzowany rewolwerowiec
z rozrewolweryzowanym rewolwerem
rozrewolweryzował rewolwer
rozrewolweryzowanego rewolwerowca.*

* * *

Cesarz czesał cesarzową.

* * *

Ciesz się, że się cieszysz.

* * *

Cóż, że ze Szwecji?

* * *

*Czarna krowa w kropki bordo
gryzie trawę kręcąc mordą.*

* * *

Czarny dzięcioł z chęcią pień ciął.

* * *

*Czego trzeba strzelcowi do zestrzelenia cietrzewia
drzemiącego w dżdżysty dzień na drzewie.*

* * *

*Czy rak trzyma w szczypcach
strzęp szczawiu,
czy trzy części trzciny?*

* * *

Czy tata czyta cytaty Tacyta?

* * *

*Czy trzy cytrzystki grają na cytrze?
Czy druga chrzan trze,
a trzecia lzy trze?*

* * *

Ćma ćmę ćmi.

* * *

Drabina z powyłamywanymi szczeblami.

Начало этому событию было положено на рейде вдвойне прекрасного города Кауз. Вдвойне, поскольку по сути — это два города, хотя и носят одно название. Разделены они устьем реки Медина, которая пересекает весь остров Уайт. Трансатлантический лайнер «Полония» в туристическом круизе вокруг Великобритании отдал здесь левый якорь.

Англия — это единственная страна в мире, где порядки, установленные ещё в шестнадцатом веке, вовсе не утратили своей свежести и в веке двадцатом. Именно так обстояло с правилами высаживания пассажиров на берег и своза их в одном из прелестнейших городков — Каузе. Этот порядок был установлен в шестнадцатом веке королевой Елизаветой Первой.

Туристов с «Полонии» мы свозили на берег судовыми шлюпками, высаживая их в назначенном месте. А вот забирали мы их с берега совершенно в другой точке, отдалённой от места высадки примерно на полкилометра. Так было в течение четырёх столетий, и никому из нас — штурманских офицеров «Полонии» — не приходило в голову мысль нарушить порядок, установленный королевой.

Иначе к этому относились туристы из Польши.

Туристы на судне — это совершенно особый «вид», отличающийся от обычного пассажира. Не терпят они даже самого изысканного отказа.

Поэтому, чтобы не восстанавливать наших польских туристов против круизов на наших же пассажирских судах, мы были вынуждены в общении с ними прибегать к доступным нам китайским, древнегреческим и английским способам общения.

Если, к примеру, турист обращался по какому-либо делу, требующему участия судового интенданта, то мы переходили на изощрённый китайский в переводе на польский: «Не соизволили бы Вы дать добро своим стопам коснуться досок палубы у окошка интендантского бюро?»

Если к стоящему у трапа офицеру обращалась пассажирка с вопросом, не видел ли он её мужа, не подобало отвечать «нет». Это было бы невежливо. Следовало

ЗНАЧИТ

отвечать на греческий манер: «Мне показалось, что он шёл с такой высокой блондинкой, если спрашивающая была брюнеткой, и наоборот, если дама была невысокой блондинкой. Такой ответ чаще всего соответствовал ходу мыслей потерявшей мужа супруги. У неё мгновенно менялось выражение лица, и она мчалась в только ей одной известном направлении. Впоследствии требовалось лишь напомнить уточнение: «Мне показалось...»

Если дело касалось вопроса, заданного восхитительной туристкой: «Нет ли мне писем?», то в ход шла английская система. Англичанин, сидящий в автобусе, направляющемся, к примеру, в Оксфорд, никогда не ответит «да» на вопрос: «Этот автобус идёт в Оксфорд?». Ответ всегда единообразен: «Я ДУМАЮ, что в Оксфорд». Англичанин ежедневно в течение пяти лет ездит на этом автобусе, но он «только думает», что автобус идёт в Оксфорд. На вопрос, есть ли ЕЙ письма, невозможно было дать ответ, содержащий даже намёк на слово «нет». Ответ всегда должен быть положительным, то есть: «Да, я полагаю, что они у интенданта». И это уже дело интенданта, каким образом

он сможет объяснить ожидающей писем туристке, что ей ничего не пришло. Поэтому, если позднее случалась встреча с туристкой «лоб в лоб», приходилось объяснять: «Я ведь утверждал лишь, что я полагаю. Вероятно, я неверно полагал, если писем у интенданта не оказалось».

В течение нескольких лет мы отлично поднаторели в этой китайско-греческо-английской обходительности. Она была обязательна, однако зачастую — в одностороннем порядке. Турист мог быть вовсе даже не любезен, но мы — никогда. Мы предпочитали ничего о нашей «системе обходительности» капитану не докладывать, но несмотря на это, он о нас никогда ничего, кроме похвал не слышал.

Однако в Каузе нас с туристами рассорили предписания королевы. Мы не могли пренебречь порядком, установленным Елизаветой Первой, и были вынуждены принять её сторону.

Второй офицер, Зыгмунт Дейчаковский, высадив из шлюпки на берег группу туристов и отошёл от причала, чтобы перейти к другой пристани, с которой можно было забирать пассажиров, возвращающихся на судно.

Кауз

КАПИТАН

Рейд Обана

В этот момент подбежал один из туристов с криком: «Стой! Стой!» и потребовал у нашего «второго» забрать его с этого самого мола, с которого королева Елизавета ещё четыреста лет тому назад запретила забирать кого бы то ни было. Второй офицер показал ему рукой место, куда идёт моторная шлюпка, и с которого он сможет его забрать в соответствии с *Queen's regulation*. Турист — по прямой линии правнук Раптусевича¹ — стал пакостными словами поносить потомка дея из Очакова. Не перестал он этого делать и в месте, где другие туристы поджидали моторную шлюпку «Полонии». Второй офицер побледнел, но ограничился единственным высказыванием:

— Вы злоупотребляете тем, что я обязан соблюдать безусловную вежливость.

«Второй» принял туриста в шлюпку, перевёз его на «Полонию» и доложил обо всём старшему офицеру. Все мы единодушно заявили, что если «турист» не извинится перед вторым офицером в присутствии лиц, находившихся в шлюпке, то никто из нас ни на берег его не свезёт, ни с берега забирать не станет.

«Турист» пытался убедить капитана в вине «Дея», однако капитан парировал, что не сомневается в любезности офицера, который, к тому же, был прав. И ещё «турист» услышал, что если он не попросит прощения у «второго», то офицеры поступят абсолютно верно, не принимая его на борт шлюпки.

На ланч старший офицер Деппиш явился в нашу кают-компанию в качестве гостя и заявил, что поскольку в салоне «турист» сидит с ним за одним столом, то не остаётся ему другого выхода, как переместиться в офицерскую кают-компанию, оставляя «туриста» соседствовать со своим пустым местом.

Все туристы были возмущены «Раптусевичем», но тот предпочёл считать жертвой себя.

Круиз вокруг Великобритании был задуман таким образом, что почти везде мы становились на якорь, свозя пассажиров на берег моторными шлюпками. Поэтому «туристу» пришлось оставаться на судне и наблюдать за всем с борта «Полонии». За английские средства передвижения платить ему не хотелось.

В обстановке этой бури в стакане воды добрались мы до Обана. В инструкциях, полученных капитаном, упоминалось о постановке на якорь в самом центре туристического оживления, а точнее — на рейде этого известного города.

Рейд Обана с западной стороны прикрывает гористый остров Керрера. Остров отделён от суши узким проливом с многочисленными острыми рифами.

Капитан очень внимательно изучил карту, затем расставил нас у пеленгаторов и карт, объявил готовность, к постановке на швартовые в порту, и мы стали втягиваться в пролив.

Один из нас непрерывно брал пеленги на береговые объекты,

другой чертил, капитан же подавал команды на руль и в машину. Мы прошли проливом, едва не задев одну из стен острова в попытке уклониться от посадки на рифы. С обоих берегов нам махали сотнями платочков. У нас складывалось впечатление, что «Полония» попросту идёт по бульвару, возвышаясь над берегом узкой водной полосы.

На рейде Обана места было ненамного больше, чем в проливе — ровно столько, чтобы мы могли тешить себя надеждой на успешный разворот. Трудно было даже назвать рейдом этот втиснутый меж взгорьями заливчик, в котором стояли на якоре небольшие яхты. Мы тоже бросили якорь.

Тут же к трапу подошла моторная лодка с портовыми властями и почтой. Прибыл капитан порта. Он был переполнен энтузиазмом, долго жал руку нашему капитану и сердечно его за что-то благодарил. Затем всё то же самое проделали все, прибывшие на моторке.

Оказалось, что их переполнял восторг от того, что впервые в истории Обана можно полюбоваться чем-то большим, чем яхты. Ни разу ещё в Обан не заходило сколько-нибудь большое грузовое судно. Наше было первым, да к тому же пассажирским трансатлантическим лайнером. Капитана уверили, что тут же на борт поднимутся лучшие художники, чтобы увековечить это событие в восхитительных портретах.

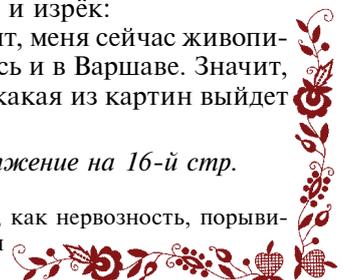
Как только представители властей Обана сошли с мостика, появился интендант с почтой. Из неё следовало, что наш «турист» времени даром не терял — выслал петицию на имя дирекции линии в Варшаве, в которой сообщал, что капитан насильно удерживает его на «Полонии», и что он настаивает на немедленном рассмотрении дела, возврате уплаченных за круиз денег и наказании капитана, который недалеко ушёл от средневековых пиратов.

Капитан выслушал читаемое интендантом письмо дирекции, улыбнулся и изрёк:

— Значит, меня сейчас живописуют и здесь и в Варшаве. Значит, не ведаю, какая из картин выйдет лучше?

Продолжение на 16-й стр.

¹ Фамилия происходит от латинского слова *raptus*, что характеризует такие черты характера, как нервозность, порывистость и импульсивность под влиянием момента. Этими качествами обладал чашник Раптусевич из пьесы «Месь» Александра Фредро (примеч. переводч.)

Семьсот семьдесят семь туристов с борта нашего трансатлантического лайнера обозревали фиорды Норвегии. За каждым изгибом скал открывалась подсвеченная полярным не заходящим летом солнцем, всё новая и всё более восхитительная зеркальная водная гладь, застилающая дно гранитных каньонов.

На картах мы цифровыми отметками обозначали моменты прохождения очередных навигационных знаков. Проходили мы мимо рассеянных по берегам фиордов многочисленных поселений. Издали на фоне горных массивов домики казались нам столь маленькими, что в них могли бы жить разве что куклы. У всех этих домиков были очень высокие и крутые крыши, приспособленные для схода с них снега. Ведь за Полярным кругом в период бесконечной зимней ночи всё впадает в спячку под снежным, зачастую, многометровым покрывалом.

Кроме нас на мостике постоянно присутствовал один из двух норвежских лоцманов. С самого начала туристических рейсов по фиордам так интересно складывалось, что всегда двое из них — отец и сын — попадали на наше судно. Им была известна история каждого поселения, каждого домика и каждой семьи до мельчайших подробностей.

К примеру, в том маленьком красном домике, стоящем почти у самого уреза воды, жил приятель лоцмана-отца. Однажды присел тот на берегу фиорда с удочкой в руках. Приближалась обеденная пора и его супруга готовилась жарить рыбу. На сковороде, уже смазанную жиром, она собралась было положить обваленную в сухарях рыбу, как вдруг услышала шипение и увидела на дне посуды трепещущую другую, сапфирово-серебряную, значительно большую той, что держала в руке. Это муж мгновением раньше вытащил её из воды. Удочку он дёрнул так резко, что рыба сорвалась с крючка и через открытое окно влетела в кухню прямо на приготовленную сковороду...

А вот когда проходили мы мимо большого поселения, лоц-

ЗНАЧИТ

ман нам сообщил, что его жители стали неожиданно миллионерами благодаря тому, что в фиорд зашёл громаднейший косяк рыб. Жители отрезали рыбам обратный путь...

Посёлок же, расположенный на небольшом острове, пребывает в скорби. Осталось в нём исключительно женское население. Однажды никто из мужчин не вернулся с промысла. Все они навечно остались в море...

Где-то там, за Лофотенскими островами, притаилось среди труднодоступных берегов фиорда поселение, известное наибольшим приростом населения. Причина этому — снега, которые лежат здесь дольше, чем где-либо ещё...

Этими рассказами, услышанными от наших лоцманов, мы затмевали славу путевода Бедекера². Многие туристы листали его непрестанно в попытках удостовериться в приводимых нами подробностях. Они желали знать всё: название любой вершины, её высоту, название каждого посёлка. Сама возможность нашей неосведомлённости исключалась. Если кто-нибудь из нас, палубных офицеров, тут же не отвечал на поставленный вопрос, мог дожидаться громкого шёпота — «невежа».

Я помню, как во время одного из рейсов, когда мы стояли на якоре

у Обана в Шотландии, я был захвачен врасплох вопросом о названии маленького городка неподалёку. Я мгновенно ответил, что это — «первая околица» Обана. На следующий вопрос о названии поселения, расположенного немного далее, я ответил: «это вторая околица Обана». При этом я постарался как можно быстрее отдалиться, но, видимо, сделал это не слишком быстро, поскольку услышал шёпот: «не слишком-то он сведущ».

Вот и сейчас в глубине фиордов нос нашего судна, врезаюсь в зеркальную гладь, искажает вид отражённых в ней скал и распростёртых над ними небес. Судно кажется подвешенным в пространстве. В такие моменты можно забыть, что ты — вахтенный штурманский офицер.

— Простите, пожалуйста, как называется этот городок? Тот, который мы миновали с левой от носа стороны, — услышал я вдруг голос. Спрашивал пожилой господин с седой бородкой. Был он похож на профессора. Одна его рука была вытянута в направлении удаляющегося посёлка, а в другой он держал «Бедекер».

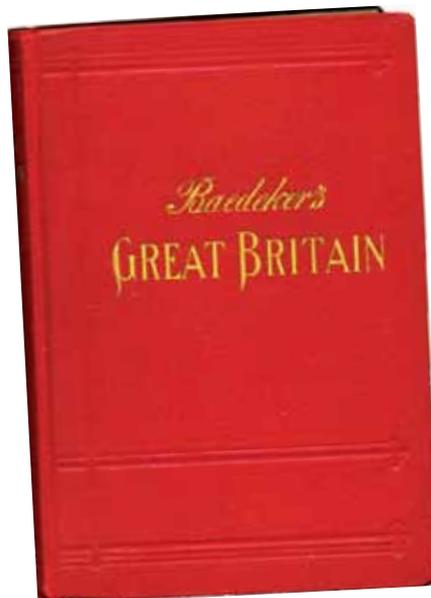
Несмотря на то, что пожилой господин перешагнул границу святилища и вступил на мостик, мы были обязаны в любой ситуации соблюдать правила вечной и нескончаемой вежливости. Конечно же ответ должен быть мгновенным и исчерпывающим.

— КВАНТО КОСТО! — выпалил я без промедления.

— Какое удивительное итальянское название, — отметил пожилой господин. — В «Бедекере» его нет.

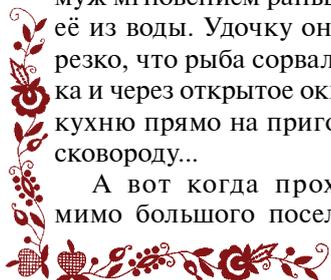
«Влип» — мелькнуло у меня в голове. Но если бы я сказал, к примеру, Сольхейм или Дунхам, то он стал бы допытываться, пишется ли это через «х» или «г»? А теперь с полдня он будет выяснять, откуда здесь на севере взялось такое южное название маленького городка.

— В «Бедекере» много чего нет, — защищал я свой авторитет. Я не предполагал, что тут же услышу:

Путеводитель Бедекера

² По имени немецкого издателя Карла Бедекера (1801–1859), (примеч. переводч.)

КАПИТАН

Фиорд

— Откуда в этом месте, на севере, такое чисто итальянское название?

Я не стал подвергать сомнению достоверность названия Кванто Косто. Во-первых, чтобы поддержать авторитет штурманского офицера, во-вторых, чтобы стать мореходом, который тоже в жизни кое что открыл и назвал, и в-третьих, чтобы доставить радость ближнему своему. Все три предпосылки я посчитал справедливыми, нравственными и приятными. Самым важным было, однако, то, что несмотря на неожиданность, я не дал повода усомниться в том, что я — «сведущий» штурманский офицер.

— Для севера это очень странное название, — продолжал монолог пожилой господин. — Я сомневаюсь, что римляне могли добраться столь далеко. Хотя...

«Однако, если представить, что это римляне назвали городишко Кванто Косто, то он лишит меня нимба крёстного отца», — подумалось мне. Кванто Косто вдруг стало мне дорого, и я решил до упаду бороться за своё отцовство.

— Господин профессор! — приступил я к объяснениям. — В семнадцатом веке разбилось невдалеке от этой деревушки итальянское судно, на котором находился богатый молодой человек. Жители этого селения спасли его, единственного из команды, которая погибла на скалистых берегах.

Гражданин Реджио ди Калабрия был невероятно благодарен за спасение от гибели. Ему пришлось пережить столько страшных моментов, что всё, чем он располагал, стало казаться ничтожным в сравнении со спасённой жизнью. А остался при нём пояс, набитый золотыми монетами. За предложенное гостеприимство, за каждое угощение он чувствовал себя безмерно обязанным и за всё хотел рассчитываться золотом. Он спрашивал: «кванто косто?»³, — «сколько это стоит?» — и давал золотую монету. Повсюду был слышен его звонкий молодой голос: «Кванто косто? Кванто косто?» Прозвание «Кванто Косто» быстро утвердилось за интересным итальянцем.

Выбраться из этих северных краёв в семнадцатом веке было непросто. Потерпевший кораблекрушение итальянец погрузился в зимнюю спячку у самого богатого жителя, обладателя самого большого хозяйства. У мельника.

— И ещё, господин профессор, вы можете рассмотреть место, на котором стоял старый дом, поскольку до сих пор на краю поселения у горного потока сохранились руины мельницы. Гляньте-ка, теперь отлично видна окраина городка и тёмная полоса горного потока!

Пока «профессор» пытался рассмотреть руины, я продолжал:

— У мельника, как в сказке, была дочь-красавица. Итальянец

решил не возвращаться в свою страну и женился на мельниковой дочке. Смещение рас и климатические условия — снега, снега месяцами, из года в год — привели к тому, что «кванто-костовичи» заполнили всё поселение. Удача им сопутствовала. Поселение разрослось в городок.

Местный городской совет, депутаты которого были похожи на... калабрийцев, решил в честь своего прадеда назвать городок Кванто Косто. По сей день жители городка удивляют туристов волосами цвета вороньего крыла. А женщины славятся своей красотой...

— Необычайно, необычайно! — время от времени прерывал меня «профессор».

Кванто Косто давно уже пропало за высокой скальной стеной. Восхищённый господин любезно представился мне, тряс мою руку и просил, чтобы я указал ему «источники».

Я отослал его к кладезю этих рассказов — старому лоцману, который был с нами во время нашего первого круиза по фиордам.

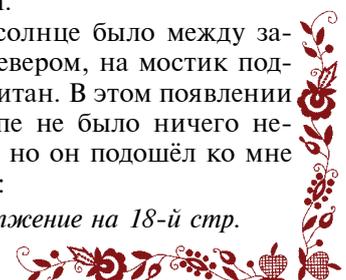
— Необычайно, необычайно! — повторял умилённый «профессор». — Вы знаете, я бы никогда не предполагал, что где-то в далёком тихом фиорде я услышу такую романтическую историю. Необычайно! Я вам безмерно благодарен, пан поручник.

В полдень закончилась моя вахта. Я заполнил вахтенный журнал и нанёс на карту наше место на двенадцать часов. Сдал я службу сменщику и сошёл с мостика. У меня было восемь свободных часов.

В восемь вечера я вновь был на мостике. За Полярным кругом летом забавно звучит «вечером» и «утром». Такие времена суток здесь не существуют. В крайнем случае, можно было сказать, что «в момент, когда солнце было на востоке» или «на западе». Хуже всего обстояло с полночью, часом духов, когда солнце также наблюдалось, но... в северном направлении.

Когда солнце было между западом и севером, на мостик поднялся капитан. В этом появлении в принципе не было ничего необычного, но он подошёл ко мне и спросил:

Продолжение на 18-й стр.

³ На самом деле этот вопрос по-итальянски звучит так: *quanto costa?*

ЗНАЧИТ, пожалуйста, значит, где находится Кванто Косто?

У капитана было в привычке проверять нашу готовность нести вахту, задавая вопросы, касающиеся названий и характеристик навигационных огней, которые мы могли наблюдать во время несения нашей службы. В фиордах же он никогда этого не делал, поскольку на мостике всегда присутствовал один из лоцманов. Вопрос вообще-то не мог касаться огней, поскольку их не было. Что же капитану было нужно?

В течение восьми часов я большую часть времени провёл среди туристов, разглядывая с ними открывающиеся виды. При этом удалось мне развеять множество сомнений в названиях вершин и посёлков. Поэтому в момент, когда я услышал вопрос капитана, об утренней беседе с «профессором» я совершенно забыл.

— Не знаю, пан капитан, — ответил я. — Никогда такого названия не слышал.

Капитан обычно ничему не удивлялся или делал такой вид, но в это мгновение он произвёл впечатление по-настоящему ошеломлённого.

— Значит, как это вы не знаете? — процедил он сквозь стиснутые зубы. Теперь изумлённое выражение появилось на моём лице.

— Значит, вы были на вахте с восьми до двенадцати?

Безусловно — да. Мы оба отлично это знали.

— Значит, с вами беседовал такой седой господин с бородкой? Значит, этакий университетский профессор географии? Значит, сидит он по соседству со мной за ланчем и, значит, всё время рассказывает мне о Кванто Косто...

В этот момент я всё вспомнил.

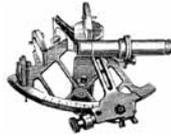
— Значит, профессор просит сообщить ему географические координаты Кванто Косто. Значит, он собирается написать статью об этом в какой-то журнал.

— К сожалению, нельзя, пан капитан, я не помню.

— Значит, как это «нельзя»? — взволновался капитан.

— К сожалению, нельзя показать на карте месторасположение Кванто Косто, — поправился я.

— Значит, утром вы показывали профессору Кванто Косто?

ЗНАЧИТ

— Показывал, пан капитан, но...

Я не успел закончить, поскольку капитан вновь процедил сквозь зубы:

— Значит, как это вы теперь утверждаете, значит, что «нельзя»?

Когда капитан с таким нажимом проговаривал слово НЕЛЬЗЯ, вспомнился мне рассказ моей матушки, которая некогда учила маленького и очень капризного мальчишку. Когда мать мальчика не могла удовлетворить многочисленные его запросы и говорила: «нельзя», мальчик впадал в истерику, топал ножками и орал: «а вот и ЛЬЗЯ, ЛЬЗЯ!!!»

В моём воображении появился этот мальчик, но в форме капитана, не топал он ножками, а кричал: «ЛЬЗЯ! ЛЬЗЯ!»

— Показывал, пан капитан, но то поселение вовсе не называлось Кванто Косто.

— Значит, как это не называлось Кванто Косто? Значит, я не понимаю, что вы говорите? Значит, как называется это поселение?

Вот объявился и ещё один защитник названия Кванто Косто, — подумалось мне, и я в душе проклял сам себя.

— Я не знаю, пан капитан, как называется это поселение и где оно расположено.

— Значит, минуту назад я от вас услышал, что в беседе с профессором вы ему показали это селение и сказали, что оно называется Кванто Косто.

— Я сказал, пан капитан...

— Значит, если вы сказали — вы, значит, знали, — логически рассудил капитан.

Если бы я был в иных отношениях с капитаном, то быть может, сказал бы ему, что разрешение дела следовало бы поручить Великому калифу из Багдада, Харуну Справедливому, который всегда утверждал: «Мудрый знает, что говорит. Глупый говорит, что знает». Но как бы назвал Харун аль-Рашид того, кто «говорит, но не знает»?

— Я не знал, но я сказал, — решился я на откровение.

Челюсть капитана указывает на «шторм»

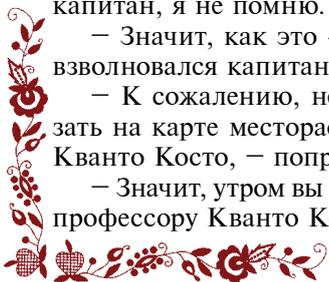
— Значит, извольте, я впервые в жизни слышу, что кто-то, значит, не знал да сказал.

Меня бросало то в жар, то в холод. Я молчал. Я подумал, что этот разговор нам никогда не удастся завершить. *Nic haeret aqua*⁴ — вспомнил я слова Цицерона. Ситуация была безвыходной. Я не мог найти слов для объяснения.

— Значит, вы не хотите мне сказать?

— Так ведь, пан капитан, — я горячо запротестовал. — Как вы, пан капитан, могли обо мне так подумать! Если бы я только знал, то бы вам сказал.

Челюсть капитана была для меня чем-то вроде указательной стрелки барометра. Только что она указывала на «шторм», а теперь уже — на «переменно». Выражение его лица несколько смягчилось. Капитану легче было бы освоить ещё один язык, чем понять нашу систему ответов на расспросы пассажиров. Каждый из нас выкрутился бы из этого положения, но только не капитан. Я осознал, в какое неудобное положение его поставил. Если профессор сидит за обеденным столом рядом с капитаном, значит, он — *persona grata*, другими словами «достойнейшая личность»

⁴ *Nic haeret aqua* (лат.) — здесь вода останавливается (т.е. существует непреодолимая преграда)

КАПИТАН

в этом рейсе. И так будет продолжаться до окончания путешествия. Капитан будет пытаться удовлетворить его просьбу. А ведь не сможет он ни показать это поселение на карте, ни сказать, что штурманский офицер поделился вымышленной историей. Такая мысль даже в голову ему бы не пришла!

— Значит, извольте, откуда вам, значит, было известно, что это поселение называется Кванто Косто? Значит, профессор утверждает, что так лоцман сказал. Значит, кто из них? Отец или сын?

— Ни отец и ни сын, пан капитан. Профессор неожиданно меня спросил, а я неожиданно ответил, что Кванто Косто.

— Значит, извольте, вы требуете, значит, чтобы я поверил, будто бы человек может рассказывать о том, чего не знает. Даже, значит, показывать что-то, чего нет. Значит, вы понимаете, что я этого постичь не смогу!

Капитан кивком головы дал знать, что разговор окончен и удалился в каюту. Я остался на мостике искренне себе присягая, что никогда в жизни не скажу ничего, о чём не знаю. Если, конечно, смогу себя сдержатъ.

НОРДКАП

Солнце давно уже не заходило — кружило над горизонтом в розово-палевом тумане «днём и ночью». Мы приближались к острову Магерё, самый дальний мыс которого — знаменитый НОРДКАП.

Сразу же после отдачи якоря мы принялись спускать на воду спасательные шлюпки. Нас ожидала непростая работа по переброске семисот семидесяти семи туристов с «Полонии» на сырой берег Нордкапа. В момент, когда всё уже было готово к спуску первой шлюпки, из-под брезентового чехла показалась какая-то совершенно неожиданная фигура.

Мелькнула мысль — безбилетный пассажир, «заяц». Но откуда и куда? На Нордкапе?!

В шлюпке находилась седая пожилая миловидная дама. Туристка.

— Как хорошо, что вы проснулись, — завели мы разговор.

— Я вовсе не проснулась, потому, что и не спала. Шесть часов уже здесь сижу, чтобы спуститься на воду в спасательной шлюпке.

Мы стали объяснять милой даме, что из-за довольно высокой волны всякое может случиться, а ответственность лежит на нас. Уговаривали её подождать до тех пор, когда мы будем спускать шлюпки в одном из тихих фьордов. Вот тогда мы её заранее извести́м.

Дама даже слушать об этом не хотела — чем опаснее, тем лучше.

— И речи быть не может, чтобы вы меня отсюда убрали! Разве что насильно, но я думаю, что вы хорошо воспитаны и в отношении меня грубую силу применять не станете. Хотя в любом случае я буду защищаться!

Ситуация складывалась забавно. Дама выглядела очень симпатично и была готова отдать жизнь за эмоции, связанные со спуском на воду в спасательной шлюпке.

— Сумасшедшая, — тихо шепнул мне один из рулевых. — Ничего худшего ожидать нас не могло.

— Пожалуйста, — пассажирка решила на выяснение, — поймите меня. Я преподаю в гимназии и пообещала детям, что спущусь на воду в шлюпке именно на Нордкапе, и что поделюсь с ними своими впечатлениями. Не могу я не выполнить данного детям обещания. Чтобы не проспять момента, когда вы начнёте спускать шлюпки на воду, я предпочла залезть в одну из них и ждать, несмотря на холод и неудобства...

Что ж, не было иного выхода, и пришлось нам спускать шлюпку

«Полония»

на воду вместе с пожилой дамой, с тем, чтобы она смогла исполнить обещанное. Во избежание опасности удара блоком, сорвавшимся со стропа в момент нахождения шлюпки на гребне высокой волны, мы попросили только, чтобы она уселась на дне шлюпки. Учительница была в восторге от воздушного путешествия и охотно согласилась сохранить это в тайне, чтобы не добавить нам новых любителей острых ощущений.

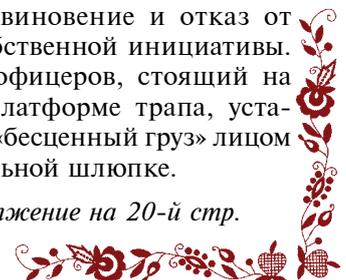
Приступили мы к перевозке всех тех, кто мечтал поставить стопы на Нордкапе. Проходило это в довольно непростых условиях — высокая и сравнительно длинная волна поднимала спасательную шлюпку вверх или опускала её вниз.

В шлюпку можно было попасть только в момент, когда банки⁵ находились на одном уровне с нижней платформой трапа. Секундой позже шлюпка проваливалась на несколько метров ниже платформы. В этих условиях погрузка в шлюпки более семи сотен туристов была работой в поте лица.

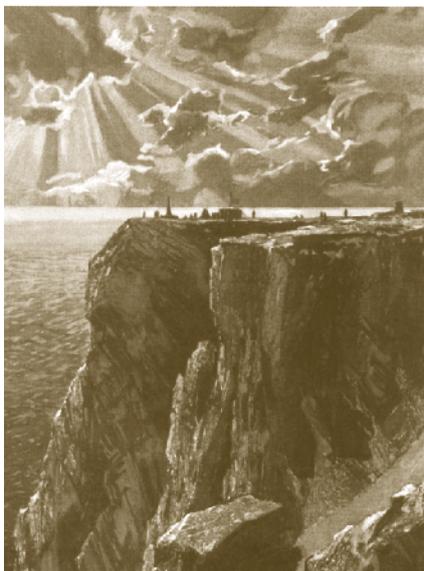
Мы надеялись, что при виде таких трудностей с высадкой на Нордкап, количество желающих уменьшится, как минимум, на одну из туристов, насчитавшую уже девяносто лет, да и её мужа-юнца, которому было семьдесят. Но надежды эти оказались тщетными. Наша система перегрузки пассажиров с судна в спасательную шлюпку носила столь неотразимое для женщин обаяние, что ему поддалась и старейшая из них.

Основу нашей системы составляла пара прикреплённых к нижней платформе трапа массивных и длинных брусьев, которые были погружены в воду ниже уровня опавшей волны. Спасательная шлюпка, соприкасавшаяся бортом с брусьями, не могла проскользнуть под платформу трапа и лишь поднималась вниз вдоль этой импровизированной защитной конструкции. От энтузиастов посещения Нордкапа требовалось слепое повиновение и отказ от любой собственной инициативы. Один из офицеров, стоящий на нижней платформе трапа, устанавливал «бесценный груз» лицом к спасательной шлюпке.

Продолжение на 20-й стр.

⁵ Банка — скамейка (доска) для сидения в шлюпке (примеч. переводч.)

Нордкап

Начало на 14-й стр.

ВМОМЕНТ, когда шлюпка достигала максимального уровня, он обхватывал «груз» за поясницу и отдавал офицеру, стоящему в шлюпке. Этот офицер, в свою очередь, подавал «сокровище» рулевому, а рулевой передавал матросу, который уже сообразно «укладывал» его в шлюпку. Называлась эта система «Из рук — в руки».

«В случае испуга допускается лишь бросаться на шею офицера. Попытки ухватиться за брусся или сходню могут закончиться увечьем» — так нам приходилось наставлять наших туристов.

С подлинным трепетом беспокоились мы о некоей паре, которую составлял один из наших великих путешественников (с большой буквы «П») со своей супругой. Перед отдачей якоря пара всегда пребывала на баке⁶. Она — в берете оранжевом, он в — тёмно-синем, оба в особых туристических костюмах гимнастического типа. На них всегда было навешено разнообразное снаряжение, состоящее из биноклей, планшетов для карт, фотоаппаратов, экспанометров, сумок, аптечек и многих других предметов, назначения которых так и осталось для нас тайной. Однажды во время вахты я, наблюдая за нашими путешественниками в полной их экипировке, сделал набросок этих фигур, обвешанных упомянутыми предметами. Распознать их было нетрудно, а пол угадывался по

ЗНАЧИТ

цвету беретов. Когда я завершил свой эскиз, услышал неожиданную похвалу:

— Значит, превосходно! Значит, это... пан Л., а это... пани Л. Значит, это можно поместить в судовой газетке.

Я оцепенел, будучи захваченным врасплох за рисованием во время несения вахты, но капитан, похоже, не обратил на это внимания. Во всяком случае, ничего на эту тему он не сказал.

Теперь, во время погрузки пассажиров в шлюпки, мы со страхом думали, кому из нас достанется передача этой пары странствующих ежей.

Мы заполнили туристами три шлюпки, в том числе моторную, которая взяла на буксир две другие и пошла в направлении причала, с которого можно было сойти на берег. В нашем распоряжении было лишь два таких «поезда», которые должны были доставить на берег всех туристов исключительно для того, чтобы они поставили свои стопы на суше Крайнего Севера. Других развлечений не было, кроме отеля на вершине обрыва Нордкапа, в котором можно было попить кофе «с видом на океан и солнце».

Офицера, пребывающего на платформе трапа в ожидании возвращения шлюпок, стоящие в своей очереди туристы засыпали вопросами. Это была сдача экзамена по всезнанию. Начиналось с того, что перед нами? Какие здесь глубины? Какова температура воды? Почему солнце не заходит, и не вредно ли это для глаз? Не страдают ли от этого бессонницей местные? Если всё время светит солнце, то почему растительность здесь такая скудная? Почему не построили здесь город и порт? Есть ли развлекательные заведения? Что здесь можно купить на память? Это в самом деле Нордкап, говорят ведь, что море там так беспокойно, что никогда суда туда не заходят, а всех туристов обманывают, завозя их в

другое место и внушают им, что это и есть Нордкап? Если бы здесь действительно был Нордкап — то был бы указатель, почему его нет? Случаются ли здесь контрабандисты и что они возят? Существуют ли ещё викинги? Остались ли следы их пребывания? Где викинги прятали свои сокровища?

Поначалу мы пробовали отвечать на эти вопросы здраво, но по мере их поступления, в голове начинало происходить нечто, не объяснимое словами. Когда мы в таких обстоятельствах сменялись на трапе, сдавая друг другу службу, звучал лишь один лаконичный вопрос: «Ещё не спятил?»

Пока спасательные шлюпки не вернулись, на меня обрушился шквал вопросов, на которые вначале я пытался отвечать по существу. Однако через некоторое время в моей голове стало «происходить нечто». И именно в тот момент ко мне подошла одна из дам, и после заявления, что её муж — гурман и что во всех посещаемых странах интересуется, прежде всего, национальными кушаньями, либо фирменными блюдами ресторана (она назвала это, как *spécialité de la maison*⁷) и задала вопрос: «Каково национальное блюдо на Нордкапе или же *spécialité de la maison* заведения наверху?»

Я вмиг проинформировал даму, что если она хочет устроить своему мужу настоящее кофейное пиршество, то пусть пригласит его в отель на вершине Нордкапа. Там подают наилучший в мире белый кофе. Только сливки должны быть в серебряных кувшинчиках.

— Попросите *cream in silver jug*⁸. Запомните? Так вот, эти сливки — местный деликатес Нордкапа. Получают их, доением полярных кроликов. Кроличья ферма находится прямо за отелем. Не рекламируют этого явно, поскольку не всем это может понравиться. Но если подчеркнуть, что именно в серебряном кувшинчике, то к кофе будут поданы сливки из кроличьего молока. Я лично

⁶ Бак — носовая часть верхней палубы (примеч. переводч.)

⁷ *Spécialité de la maison* (франц.) — домашний деликатес (примеч. переводч.)

⁸ *Cream in silver jug* (англ.) — сливки в серебряном кувшинчике (примеч. переводч.)

КАПИТАН

считаю эти сливки наилучшим лакомством на Нордкапе.

К трапу подошла моторная шлюпка. Я передал тело спрашивавшей меня дамы коллеге, проделал то же самое с другой дамой, потом с господином, опять с дамой и так до бесконечности, то есть до семисот семидесяти семи раз.

Одной из первых сошла на берег Нордкапа наша девяностолетняя туристка с мужем. На берег сошёл и капитан со всем окружением.

Когда последние пассажиры уже добрались до берега, следовало приступить к возвращению на «Полонию» первых. Туристы, которые уже вернулись на судно, при виде отходящих к берегу пустых шлюпок пожелали совершить ещё одну экскурсию на Нордкап. С трудом удавалось внушить им, что в таком случае мероприятие никогда не закончится, поскольку день здесь бесконечен. Посадка на судно прошла также быстро и чётко, как и утренняя «погрузка» в шлюпки. Никто не получил травм, не было переломов конечностей. Зато всех переполняли эмоции: «Волна была огромная, но я совсем не боялась».

Палубных офицеров хвалили наперебой. Мы были у всех на устах. Перед снятием с якоря капитан пригласил нас всех на чарку вина, чтобы от имени пассажиров выразить благодарность за проявленную нами безмерную внимательность и любезность. Ничто не предвещало, что гармония, господствующая между всеми на судне, могла быть нарушена.

В двадцать один час мы снялись с якоря. Около двадцати двух капитан появился на мостике чтобы сделать записи в журнале **НОЧНЫХ** распоряжений (парадокс в этих водах и в этот период). Казалось, что капитан вот-вот изречёт сакраментальное: «Значит, спокойной ночи!» и завершит этим сегодняшний день, но вместо этого он подошёл ко мне и спросил:

— Значит, вы знали или не знали, когда сказали?

Челюсть капитана находилась в положении «ясно». По всей вероятности, событие было не очень серьёзно. Попытался я быстренько вспомнить, что и кому мог наговорить, стоя на трапе? Слегка дал я волю воображению, рассказывая о «крёстном отце» Нордкапа, штурмане Боро, утверждая, что англичане считают его английским Колумбом, который открыл русских. В действительности же он открыл, и то лишь в середине шестнадцатого века, северный путь в Москву и был первым, кто нарёк это место Нордкапом.

— Я сказал, что Боро открыл русских, пан капитан.

— Значит, это вы знали. Но я со всей компанией был в отеле на кофе и, значит, меня спросили, считаю ли я кофе на Нордкапе лучшим в мире? Значит, я был крайне удивлён, почему этот кофе на Нордкапе должен быть лучшим? Значит, вы понимаете, пассажиры, в свою очередь, были очень удивлены тем, что я пришёл на кофе и сам не знаю, что пью? И спросили, не заказал ли я сливки в серебряном кувшинчике? Значит, я совершенно не понимаю, о чём они говорят. Значит, тогда одна дама стала смеяться, рассказывая, что один из офицеров открыл ей тайну Нордкапа. Значит, я узнал, что на Нордкапе выращивают полярных кроликов, которых доят и это молоко подают к кофе. И поэтому он самый лучший в мире. Значит, вы знали или не знали, когда это говорили?

ЗНАЧИТ, СПОКОЙНОЙ НОЧИ!

*В. Славек (крайний слева)
и Я. Енджевич (крайний справа)*

Сидел я в холле «Отеля Джорджа»⁹ в Вильно в ожидании дялюшки, приехавшего из Варшавы. После просматривания пёстрых еженедельников я обратил внимание на рекламную брошюрку итальянских судоходных компаний, предлагающую туристические круизы. Среди всего прочего меня привлекли снимки и описание прекрасного новейшего пассажирского судна под названием «Океания». Восхитили меня его благородные формы, понравилось современное навигационное оборудование, роскошные каюты и столовые залы, залитые солнцем палубы, на которых развлекаются за играми улыбающиеся пассажиры.

С тех пор прошло несколько лет. Я в качестве вахтенного офицера стоял на мостике «Полонии» — нашего самого крупного пассажирского судна. Мы посещали прекраснейшие уголки Норвегии: живописные фиорды, не имеющие аналогов в мире, крутые, высотой в несколько сот метров, почти отвесные скалы с ниспадающими водопадами, зеркала водной глади, обрамлённые гранитом и зеленью, с отражённой в них голубизной неба.

В период белых ночей фиорды принимают среди своих скал сотни судов. Океанские гиганты роскошно обустроенные, с тысячами туристов на палубах, заходят сюда из года в год. Пересечение Полярного круга на некоторых судах отмечается почти так же торжественно, как и пересечение экватора. Переход этой границы вечного дня и вечной ночи проходит с участием Нептуна, крещением, присвоением имён и раздачей дипломов.

В этом году мы уже во второй раз шли на север, в страну вечного дня.

Ныне на борту присутствовал премьер и двое министров. В этом туристическом рейсе они пользовались привилегией пребывания на капитанском мостике, где с этой целью были установлены лежаки.

Нашими высокопоставленными гостями были премьер-министр Енджевич с супругой и министры Бёрнер и Славек. Вопросов они задавали ничуть не меньше любого другого.

Продолжение на 22-й стр.

⁹ «Hotel George's» (англ.) — обычно называемый «Отелем Жоржа», лучший отель в Вильно (примеч. переводч.)

КАЖДЫЙ штурманский офицер должен был знать все подробности о всяком встреченном судне: как называется, чей флаг носит, откуда и куда идёт, что везёт... Если кто-нибудь из нас, засыпанный градом вопросов, молчал, пассажиры своеобразным образом пробовали сами находить выход:

— Смотрите, смотрите, впереди справа какой-то корабль!

Услышав подобный возглас, мы предусмотрительно скрывались из поля зрения пассажиров.

— Что это за корабль? Дайте-ка бинокль!

Почти у каждой группы туристов был отличный бинокль. После тщательного рассматривания судна с помощью бинокля — новые проблемы.

— Флага нет! Не могу определить, что это за судно! Ага, если флага нет, значит — контрабандист. Да, да, это точно контрабандист опиума!

— Пан поручник, откуда они взяли опиум?

Захваченный врасплох этим вопросом поручник пробует вспомнить откуда можно возить опиум. Неуверенно бормочет:

— Из Индии, из Турции.

— А откуда везёт опиум это судно?

— Это судно опиума не везёт.

— Откуда вам знать, что это судно не везёт опиума?

— Потому, что это рудоуглевоз и он с грузом руды идёт в Европу.

— Откуда вы об этом знаете?

— Капитан этого судна мой хороший приятель, — отвечает подвергшийся неожиданному нападению поручник. После чего бурчит под носом: «извините» и — ноги в руки!

Выходили мы из фиорда, чтобы перейти в следующий. Перед нами распахнулось огромное пространство открытого моря. На мостике находились министры с премьером во главе. Рядом с премьером стоял капитан.

В этот момент на горизонте показался дым. Если в представлении пассажиров каждый офицер должен был знать всё о любом встреченном судне, то понятно, что капитан должен был знать всё, лишь завидев дым, поднимающийся из трубы судна, скрытого за горизонтом. А пока был виден только дым.

ЗНАЧИТ

— Пан капитан, что это может быть за судно? — услышал я знакомый вопрос, заданный двумя министрами одновременно.

Капитан молчал.

Тут я не выдержал и у меня вдруг вырвалось:

— ОКЕАНИЯ!

В тот же миг капитан окинул меня взглядом. Между нами маячила тень пращура поселения Кванто Косто.

Бежать! — мелькнуло в голове. Но куда? Я же на вахте!

Всё ещё не спускающему с меня взгляда капитану я прошептал: «простите» и отошёл на два шага. Но премьер, восхищённый красивым названием, сразу же стал меня расспрашивать, что за судно эта «Океания»? По памяти и без запинок продекламировал я всё то, что несколько лет тому назад почерпнул из красиво иллюстрированной рекламной брошюры о судовладельце, форме и размерах судна, навигационном оборудовании, скорости хода, числе пассажиров, мощности машин.

На капитана я предпочитал не смотреть, поскольку речь моя невольно прерывалась при виде изумления на его лице. Капитан, похоже, не сомневался, что я впал в безумие.

Вещал я столь гладко, глядя на появившийся на горизонте дым, будто читал открытую книгу с крупными буквами.

Речь моя текла без умолку. В разговор включилась супруга премьера, и я, ни на что не отвлекаясь, принялся живописать прелести «Океании», обрисовы-

вать её роскошные помещения, развлечения и подвижные игры. Я перечислял оркестры и количество музыкантов в каждом из них. Никакого внимания на капитана я уже не обращал.

Говорил я столь долго, что исчерпал весь запас знаний, позаимствованный из рекламного проспекта. Капитан окаменел. Он смотрел на меня так, будто видел впервые, или же решил, что я несу бред, либо тронулся умом.

Мне уже было всё равно. Сокрушался я лишь о том, что «затмил» капитана.

Все прильнули к биноклям.

Дым на горизонте стал, похоже, самым интересным дымом на свете. Постепенно показалась дымовая труба, мачты начали утолщаться, наконец, стал виден могучий корпус большого пассажирского судна.

Я в спокойствии ожидал своего краха, который случится, как только будет прочтено название идущего контркурсом «пассажира». Вообразил я триумфальное выражение на лице капитана, процеживающего сквозь плотно стиснутые зубы: «Значит, вы не знали, но сказали».

Мы всё больше сближались с неизвестным судном. Самый лучший бинокль был в руках у капитана. Я вдруг отметил, что он вздрогнул и с подозрением глянул в мою сторону.

Пытаясь упредить мысли капитана, я давно уже отдал свой бинокль супруге премьера и теперь не мог выяснить причину его странной реакции.

«Океания»

КАПИТАН

Реклама судовладельца

Вдруг раздался голос премьеры: — ОКЕ-А-НИЯ. — В этой фразе не было ни тени изумления. Он ЗНАЛ, что увидит «Океанию».

Изумлены были лишь двое — капитан и я.

Причём моё изумление было несравненно большим, поскольку капитан ещё мог надеяться, что ситуация прояснится с помощью радиотелеграфиста, за которым был послан рулевой, только что сменившийся с вахты.

Англичане называют радиотелеграфистов «искоркой» (*spark*). Мы их называем «проводок»¹⁰. На пассажирских судах, в зависимости от занимаемой должности, как и среди штурманов, может быть «первый», «второй» или «третий проводок».

Не нужно было особой прозрачности, чтобы понять, что именно потребовалось капитану от нашего «проводка». Ему просто хотелось знать, было ли радистам заранее известно о встрече с «Океанией».

Появившийся на судах новый род «моряков-проводков» мог раньше штурманов узнавать о судах, находящихся поблизости, о том, как они называются и какие испытывают проблемы. «Проводки», сидя у радиоприёмника, передающего прекраснейшие ме-

лодии, могут расслышать в том, что другие считают неприятными помехами приёму, интересные переговоры судов между собой. Нередко мимоходом вмешиваются, к примеру, с сообщением:

— Два часа назад «голландец» говорил со станцией и «греком». Теперь станция уже час вызывает «грека». «Грек» молчит. Станция просит «голландца», чтобы он помог ей восстановить контакт с «греком». Полчаса «голландец» вызывает «грека». «Грек» молчит.

В попискивавших на фоне музыки точках и тире алфавита Морзе безошибочно читался радиообмен над ночным океаном.

На мостике все ещё были заняты наблюдением за исчезающей вдаль «Океанией», когда вошёл радиотелеграфист Максимилиан Стшелинский. «Максик» подошёл к капитану. Был он, как всегда, улыбчив и в хорошем расположении духа. Огромный парень с ещё большим сердцем.

Я услышал заданный Максику вопрос:

— Значит, пожалуйста, значит, вы знали, что мы встретим «Океанию»?

Затаив дыхание, я ждал ответа. Если он ответит, что знал о встрече с «Океанией», то я буду спасён.

Максик стоял таким образом, что я не мог подать ему никакого знака, чтобы тот поддакнул.

— Нет, мы ничего об этом не знали, пан капитан. Нам даже не было известно, что «Океания» находится поблизости, в фиордах нет почти никакого приёма.

— Значит, благодарю вас.

И Максик, даже не отдавая себе отчёта, в том, что «похоронил» меня, сошёл с мостика.

У капитана оставался лишь один источник, из которого я мог бы узнать, что мы встретим «Океанию» — лоцманы. Только что на смену коллеге пришёл второй лоцман. Оба норвежца оказались на мостике одновременно. Капитан попросил прощения у министров и спросил лоцманов, знали ли они, что мы будем расходиться с «Океанией»? К сожалению, оба не имели об этом понятия.

Пока министры пребывали на мостике, мне ничего не грозило. Но когда мы останемся вдвоём...

Приближалось время ланча. Все пассажиры перед этим заходили в каюты для переодевания и наведения красоты.

Капитан остался. Атаковал он меня мгновенно, как только увидел, что я готовлюсь к сдаче вахты и бегству.

— Значит, откуда вы знали, что это «Океания»?

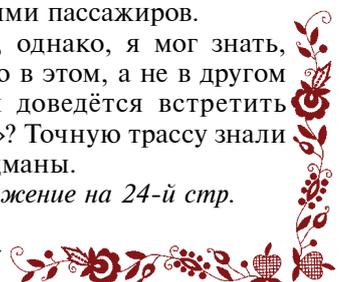
Что ответить? Если открою правду об «Отеле Джорджа» и ожидании дядюшки, то мне — конец. Скажет, что я в лицо над ним насмехаюсь. Если заявлю, что я — ясновидящий, лучше не станет.

Мечты о мгновенной катастрофе судна, которое я уже был готов отдать в жертву, лишь бы избежать ответа, не имели шансов воплотиться в жизнь. Если бы ещё я так подробно не расписывал судно, сама по себе «Океания», быть может, сошла бы мне с рук. Ясновидящим я не был, но наверняка был уверен в том, что с «Океанией» мы встретимся, не зря же знал такую массу точных данных, чтобы заволаживать ими пассажиров.

Откуда, однако, я мог знать, что именно в этом, а не в другом месте нам доведётся встретиться «Океанию»? Точную трассу знали только лоцманы.

Продолжение на 24-й стр.

¹⁰ В оригинале — «*drucik*» от переименованного «*telegraf bez drutu*», т.е. «беспроводной телеграф» (примеч. переводч.)

В ДОПОЛНЕНИЕ к этому, с последней стоянки мы снялись с задержкой в несколько часов. Учитывая немалую скорость хода «Океании», такого рода счисление, позволяющее распознать её по дыму над горизонтом среди несчётного числа других встреченных по пути судов, было невыполнимо.

Тем не менее, ответ капитану следовало дать незамедлительно.

Официальные отношения с капитаном, основанные на «есть» и «никак нет», исключали искреннюю исповедь. Капитан собирается на ланч, и желает знать мой ответ на возможный вопрос кого-либо из министров.

Пришла мне в голову самоубийственная мысль спастись вопросом, чтобы уйти от решения проблемы, так как это было во время прошлого посещения фиордов. Я отважился и спросил:

— Пан капитан, вы помните Кванто Косто?

— Значит, помню. Значит, что общего это имеет с «Океанией»?

— Вы, пан капитан, не пожелали тогда поверить, что я не знал, но сказал.

Капитан побагровел. Челюсть капитана продвинулась дальше, чем на барометре находится метка УРАГАН. И вообще шкала там закончилась.

Сквозь стиснутые зубы капитан начал своё:

— Значит, пожалуйста, значит, все данные об «Океании», приведённые вами, полностью совпадали. Значит, я недавно просматривал их в каком-то журнале. Значит, вы хотите, чтобы я поверил теперь, что калабриец в действительности спасся с золотом. Значит, что он женился на дочке мельника и что их правнучки, по-вашему, назвали поселение Кванто Косто?

Пока капитан переводил дыхание, я попробовал объясниться:

— Вы, пан капитан, всегда требовали от нас быть безусловно любезными и на все вопросы отвечать. Мы это делаем уже автоматически. И в этом случае я тоже ответил автоматически, как только услышал вопрос, даже не мне заданный, а вам, за что сейчас прошу у вас прощения, пан капитан.

ЗНАЧИТ

— Значит, понимаю, но откуда вы знали, что это «Океания»?

— Пан капитан, ведь я в самом деле не знал, что мы встретимся с «Океанией». Я не знал, что премьер, завидя дым «Океании», спросит вас, пан капитан, что это за судно. Но о больших судах мы все кое-что знаем.

— Значит, почему вы сказали, что это «Океания»?

— Я не знал, но сказал, пан капитан.

— Значит, теперь я уже ничего не понимаю. Значит, я лично слышал, что вы не знали, но сказали. Значит, теперь я не понимаю почему вы сказали ПРАВИЛЬНО?.. Значит, благодарю вас.

ЛА МУЛЕТА

В устье Великой реки, на языке мавров называемой Вади-эль-Кебир, а ныне носящей название Гвадалквивир, мы приняли лоцмана. Он должен был вести наш трансатлантический лайнер в Севилью, где планировалось провести пасхальные праздники.

Кроме него на борт поднялось ещё несколько других лоцманов, возвращающихся на праздники домой. Лоцманы принесли с собой газеты, передовицы которых огромными буквами сообщали о предстоящих на Пасху боях быков.

PLAZA DE TOROS DE LA REAL MAESTRANZA — «Арена — это место истинных виртуозов». *GRAN CORRIDA EXSTRAORDINARIA* — «Небывалые бои быков», — предвосхищали кричащие заголовки.

Содержание статей обещало необыкновенное зрелище, во время которого будет умерщвлено шесть быков из лучших стад.

И что же можно было прочесть о тех, кто этих быков заколет?!

Рассказы лоцманов наводили на мысль, что испанцы совершенно забыли о маврах, от которых унаследовали не только название этой реки, но и ристалища для сражений с быками. В то же время из их заявлений вытекало, будто с момента окончания скучного и безгрешного существования в раю быки на земле остались исключительно для боёв, а испанцы — для их истребления. Лоцманы посвящали наших пассажиров в тонкости. Однако оказалось, что историю боёв быков некоторые туристы знают совсем не хуже, поскольку ещё в Польше обзавелись «источниками».

Из организованной тут же лекции мы узнали, что первым испанцем, заколовшим быка на арене, был Дон Родриго Диас де Вивар, кратко именуемый маврами Сидом. По правде говоря, сомнения в реальности этого подвига величайшего рыцаря Испании огласил Канон из «Дон Кихота», но мы верили, что Сид, сидя на великолепном коне, проткнул быка пикой, так же, как позже проделал это Карл Пятый в честь рождения своего наследника Филиппа Второго. Со временем, как утверждал лектор, пика для убийства быка стала укорачиваться и уже Филипп Четвёртый, всё ещё верхом на коне, забил быка копьём, которое в его руках называлось *rejoncillo*.

Когда на испанский трон взошли Бурбоны, быков стали убивать исключительно аристократы, а монарх лишь наблюдал за поединками. Однако с течением лет блистательные роды Испании,

Севилья

КАПИТАН

по примеру ленивых Бурбонов, прекратили заниматься этим собственноручно. Копьё уменьшилось до размеров шпаги, называемой *estoque*, а поединок перестал быть конным. Первым шпагой заколол быка пеший тореадор Франсиско Ромео из Ронды в Андалузии. Он же первым в истории Испании получил титул *ESPADA*, и первым стал дразнить быка пурпурным полотнищем, называемым *la muleta*.

О последователях великого Франсиско, которых нам предстояло посмотреть в Севилье, в газетах писали, как о искусниках от Бога — *torero por la gracia de Dios*, мастерах своей работы, которая представлялась, как *gracia estetica*. Все они окончили Королевскую академию боя быков и получили лицензию, то есть были возведены в тореадоры. Выглядело это таким образом: на первом выступлении на арене мастер подачей руки доводил до сведения публики, что его ученик получает *alternativa*, лицензию на умерщвление быков.

Наравне с тореадорами, газеты славили бычьи роды — издавна обучаемые для боёв в «бычьих школах», называемых *vacadas* — самые известные из которых принадлежали князю Варагва и маркизу де Альбайяда.

Имена славных быков, как и имена королей, переходят в историю Испании. До сих пор известны имена быков: Саррерито, Марсамало и Комисарио.

Все на судне под влиянием лощманских рассказов и газетных статей жили надеждой увидеть эти чудеса, которые в этом году своим великолепием должны были затмить всё, что до сих пор можно было наблюдать на севильской *Plaza de Toros*.

Невысокие берега реки позволяют рассмотреть плодородную низину, которую некогда после римлян унаследовали вандалы, оставляя, в свою очередь, после себя название Андалузия.

На несколько часов мы ошвартовались к набережной Севильи чтобы совершить формальности и высадить на берег пассажиров на

Пляса де Торос

автобусную экскурсию по городу. После этого кормой вперёд буксир отвёл нас вниз по реке до места, где можно было развернуться. На этом участке река была искусственно расширена, что давало возможность судну обернуться в другую сторону. Для этого манёвра, в соответствии с «новейшей» испанской техникой, мы уткнулись носом нашей «Полонии» в глинистый берег, а затем при помощи буксира и собственных машин установили пароход носом в сторону устья реки.

Вся команда проявляла неслыханный интерес к этому манёвру, поскольку никто не знал, когда он закончится и в каком часу мы окончательно ошвартуемся в Севилье. А с момента отмены готовности машин начинались стояночные вахты, с ними же была связана неукоснительная судовая служба, которая лишала возможности понаблюдать за анонсированным великолепием корриды.

Как только в вахтенном журнале появилась запись о времени отмены готовности машин, стало понятно, что ожидаемых боёв быков не увидит третий штурманский офицер. О том, чтобы кто-то сжалился над ним и подменил его на службе, нельзя было даже мечтать. Всех волновала единственная мысль: добудем ли билеты?

Севилья на Пасху расцвела. На некоторых улицах высажены апельсиновые деревья и кусты вьющихся алых роз, которые в этот период покрываются цветами. Севилья на Пасху очаровывает танцами лучших ансамблей Испании, а пасхальные костюмные торжества не утратили ничего из своего средневекового великолепия. Поэтому на Пасху приходят сюда с туристами крупнейшие пассажирские суда со всего мира.

Ничто не могло смягчить негодования «третьего». Не радовала его мысль, что осмотрит он богатство архитектуры, танцы, народные развлечения в другой день. Скорбная мысль, что не придётся ему увидеть, как испанцы убивают быков, не радовала, а утешавшим его коллегам была обещана месть, которая «в веках не забудется».

Единственным человеком на судне, который не собирался на бой быков, был капитан. Он считал, что это представление недостойно культурного человека вообще, а штурманского офицера — в частности. Среди машинной команды и пассажирской службы тоже нашлись те, кому пришлось остаться по служебной необходимости. И они, как и третий офицер, терзаемые муками зависти, разорвали дипломатические отношения с коллегами.

Наконец!

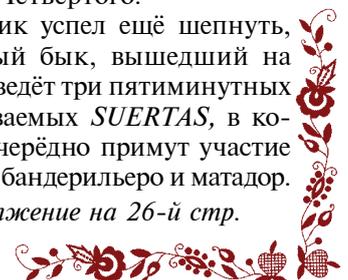
Наконец-то сидим мы в амфитреатре на Пляса де Торос, напоминающем миниатюру римского Колизея. *El publico de sombra* — состоятельная публика — в тени, *el publico de sol* — публика малоимущая — во всей полноте солнечного сияния. Однако сидим мы относительно близко от арены в компании советника нашего посольства в Мадриде, который переводит и объясняет нам всё, о чём бы мы ни спросили. Мы старательно записываем испанские выражения, чтобы ими очаровывать слушателей по возвращении домой.

На залитую солнцем арену из открытых нараспашку ворот выезжают на белых конях двое всадников в тёмных одеяниях с белыми жабо и манжетами, в шляпах, украшенных белыми же страусовыми перьями.

От советника узнаём, что это *LOS ALGUACILLOS* — стражники кодекса боя быков, утверждённого Королевской академией. Они будут следить за тем, чтобы бои проходили в соответствии с традициями, восходящими, как и их костюмы, ко временам правления Филиппа Четвёртого.

Советник успел ещё шепнуть, что каждый бык, вышедший на арену, проведёт три пятиминутных боя, называемых *SUERTAS*, в которых поочередно примут участие пикадоры, бандерильеро и матадор.

Продолжение на 26-й стр.

ВТОТ же момент в нескольких десятках метрах за всадниками на арене появляется кортеж из людей, облачённых в облагающие одеяния, богато украшенные золотым и серебряным шитьём.

От идущих тремя колоннами бьёт блеск, фигуры искрятся отражёнными лучами солнца. Их показывается всё больше и больше. Теперь из чёрной, как нам кажется, арки на жёлтый песок арены въезжают наездники с копьями. Наконец, появляется упряжка из трёх мулов в пополах, вытканых красной и золотой нитью.

И вновь советник пытается торопливо объяснить, кто входит в этот великолепный кортеж.

— Те, кто спереди, в первой шеренге, это МАТАДОРЫ. «Мат» по-арабски значит «смерть». *Maclator* на латыни значит «убийца». Матадоры — это те, кто проведёт последний бой с быком. Называют их также *TOREADORES* или *ESPADAS*. Каждый матадор идёт во главе подобранных лично им самим помощников, которые, в качестве команды, называются *LA CUADRILLA*. *Cuadrilla* состоит из четырёх *BANDERILLEROS* и одного *MOZO DE ESPADAS*, которому не совсем соответствует громкий титул оруженосца тореадора. Это наименование *mozo*, неожиданно прояснило нам происхождение названия «мозес» («моисей»), которым именовали юнг на некоторых наших судах.

Затем следуют несколько *CHULOS*, помощников. А те двое на худых клячах в конце каждой квадрильи — это ПИКАДОРЫ. Упряжка красочно разодетых мулов также будет востребована, с её помощью с арены будет удалён поверженный бык.

Прежде, чем кортеж приблизился к ложе президента корриды, выбираемого на этот пост из наиболее достойных лиц Испании, советник добавляет для нас ещё несколько деталей, касающихся матадоров и их квадрилий. Знаком достоинства матадора является прикреплённая к волосам косичка, *la coleta*. Символизировала она не только его титул, не только обязательное для матадора рыцарство, но и владение искусством схватки, доведённой до уровня артистизма. Матадоры одеты в облагаю-

ЗНАЧИТ

щие куртки до пояса, полностью покрытые объёмным шитьём, в брюки чуть ниже колен, тоже облагающие и богато украшенные шитьём, а также в белые чулки и чёрные кожаные туфли без каблуков. На головах — чёрные шляпы. Подобным образом одеты бандерильеро, то есть те, кто будет вонзать в быка *banderillas* — расцветочные стрелы полуметровой длины — украшенные разноцветными ленточками палки со стальными гарпунными наконечниками. Пикадоры одеты во всё жёлтое, на них белые круглые шляпы, их ноги защищают покрытые кожей латы.

Кортеж останавливается перед ложей президента корриды. Этот сановник бросает одному из *alguacillos* ключ от клетки, *toril*, в которой ждёт готовый к бою бык.

После этого кортеж обходит арену и исчезает во тьме *portondelpatio*, из которого только что и появился.

На арене возникает бык. Перед началом собственно боя ассистенты матадора дразнят животное расстилая перед ним свои яркие плащи, *capotas*. По реакции быка на этот вызов матадор планирует тактику предстоящего с ним боя.

Во время этой, на первый взгляд, невинной забавы, когда один из бандерильеро расстиляет перед быком свой плащ, бык внезапным кивком головы вонзает рог в богато вышитый рукав. Бандерильеро, забывая о быке, бросает взгляд на рукав, и в этот же миг бык валит его на песок арены.

Правила Королевской академии допускают нанесение удара или убийство быка лишь в подбавочный момент боя, поэтому бык мощным лбом невозмутимо истязает лежащего бандерильеро. Едва только одному из дразнящих

удаётся на момент отвлечь внимание быка, потрёпанного выносят с арены; по пути в больницу он скончается.

Раздаётся трубный глас. На худющих лошадях появляются пикадоры. Это сигнал к началу первого этапа боя, называемого *SUERTE DE PICAR*.

— Если бык набросится на коня одного из пикадоров, тот должен нанести удар быку в загривок коротким остриём пики, называемой *garrocha*, чтобы его отпугнуть и обратить внимание животного на другого пикадора, — объясняет советник.

Бык же этого не понимает, поскольку несмотря на нанесённый пикой удар, вонзает рога в живот атакованного коня, поднимает его вместе с пикадором вверх и швыряет всё это на арену. И лишь после этого бык несётся за вторым пикадором. Только тогда *chulos* извлекают из-под лошади придавленного пикадора и выносят его с арены. Лошадь сучит ногами, заплетая их в выпущенные кишки. Кто-то из бандерильеро ударом небольшого стилета в голову прекращает её мучения. Это действие относится к его обязанностям, как и право подобным образом добить быка, если тот, будучи пронзённым шпагой тореадора, не в состоянии исполнять правила Королевской академии и продолжает жить не в меру долго.

Вновь раздался трубный звук.

— Теперь начнётся второй этап боя, — говорит наш опекун. — Это сигнал к *SUERTE DE BANDERILLAS*. Каждый этап длится по пять минут.

На арену выходят переливающиеся золотом бандерильеро, вооружённые расцветочными бандерильями. Вбить в загривок быка

Арена

КАПИТАН

бандерилью удаётся только особо ловким и отважным. Королевская академия якобы рекомендует вогнуть восемь бандерильей, чтобы довести быка до бешенства. Пока что же, после вбитых четырёх, бык всё ещё не проявляет склонности к неистовству; он успокоился и, похоже, собирается прилечь для отдыха. Тогда бандерильеро вбивают в него не обычные бандерильи, а иные, огненные — *banderillas de fuego*; они снабжены дымовыми шашками, взрывающимися с оглушительным звуком. Это вызывает у быка нужную реакцию — он впадает в бешенство!

Третий раз звучат трубы.

— *SUERTE DE MATAR*, последний этап боя, который должен закончиться смертью быка, — добавляет советник.

Матадор, тореадор, эспада — одно лицо со столькими названиями появляется на арене. Выглядит он чрезвычайно торжественно. В левой руке у него шпага, *estoque*, и прикреплённая к древку длинной со шпагу мулета — пурпурная шёлковая ткань; в правой руке — чёрная шляпа. Пружинящим шагом он направляется в сторону ложи президента корриды.

Отдав честь президенту, матадор переходит к *brinde* — чему-то вроде посвящения, облечённого в предельно изысканные выражения испанской речи. Это публичное выступление направлено особе, в честь которой тореадор заколет быка. До нас слова не доносятся. Советник утверждает, что, как правило, лишение быка жизни посвящается либо известной красавице, или славному писателю, либо иной именитости, присутствующей ныне на корриде. Некоторые матадоры, стремясь подчеркнуть изящество момента, произносят *brinde* по-французски.

Матадор заканчивает своё выступление эффектным жестом правой руки, бросая шляпу за спину на песок арены. С непокрытой головой он берётся за работу. Пять минут, оставшейся быку жизни, тореадор разнообразит кокетством, *pinturerias*, заигрывая с ним, как балерина. В ходе этих заигры-

Матадор

ваний *la muleta* принимает вид развешиваемой в танце юбки. Затем следуют такие же танцевальные эволюции быка, который слегка касается рогами груди эспады. Со всем рядом с сердцем.

Это так называемые *el pase de pecho*, — шепчет советник.

Моментально объясняем себе это, как «пропускание подмышкой».

От этих заигрываний у быка уже кружится голова. Он полностью дезориентирован и понятия не имеет, что делать. Тореадор теперь переходит к *el adorno*, преклонению перед быком. На корточках с благоговением притрагивается он к кончикам бычьих рогов, после чего срывается и, наконец, наступает решительный момент. Матадор разгоняется так, чтобы вбить шпагу в шею быка так глубоко, чтобы достала она до сердца.

— Этот удар называется *a volapie*, — объясняет советник, — «с полубега». Если смерть случится мгновенной, это станет подтверждением великой ловкости и владения техникой убивания. Тореадора ожидают рукоплескания *palmas* и награда в виде права на отрезание быку уха, *orejo*, а иногда и обоих *orejos*. Такое право предоставляет президент по просьбе публики. И лишь тогда, когда матадор с этими трофеями обходит арену, раздаются мощнейшие рукоплескания.

Тем временем на арене происходит нечто совершенно неожиданное. В момент, когда тореадор вонзает шпагу в быка, животное сжимается в каком-то инстинктивном спазме. Этот спазм мышц вырывает из рук эспады шпагу, которая пролетает над головами

зрителей первых рядов и со страшной силой вонзается в спинку кресел между плечами двух дам. Шпага ещё долго вибрирует и её не удаётся вытащить.

Эспада вновь атакует быка. Этот удар более результативен. У быка медленно подгибаются колени и, как бы раздумывая, он ложится на арену. Раздаются аплодисменты.

Тройная упряжка мулов выволакивает с арены тушу быка и убитого им коня. Вся арена приводится в полный порядок.

Начинается второй бой. С самого начала повторяются те же самые этапы, что и в первом. Мы их знаем наизусть.

Два первых этапа боя со вторым быком не приносят особых эмоций. Наконец, оглашается *suerte de matar*. Истекают последние минуты. Ещё момент, и бык расстанется с жизнью. Матадор ведёт себя совсем не так, как предыдущий. Он как будто бы убегает от быка и заставляет того атаковать себя. В миг, когда разогнавшийся бык ударяет в распростёртую над ареной мулету, матадор уклоняется от удара и бык пронесётся мимо.

— Удар, который матадор хочет сейчас нанести, называется *la suerte de recibir*, — шепчет советник. — Это наиболее сложный способ, — продолжает он. — *Recibir* означает «принять». Матадор хочет принять быка на шпагу. Именно поэтому он ставляет взбешённое животное атаковать себя и одновременно наставляет шпагу таким образом, чтобы достигла она сердца. Это требует от матадора неслыханного хладнокровия и самообладания.

Теперь мы наблюдаем за боем с большим интересом. Разогнавшийся бык стремительно приближается к наставленной шпаге. Мы наблюдаем, как острие погружается в его шею до самой рукояти. Бык падает на колени, но не умирает в надлежащее время. Лицо эспады выражает недоумение и опасение, что ему может угрожать *pitos*, освистывание.

Бык подобрал под себя задние ноги и выглядел отдыхающим. Матадор вновь пробует привлечь внимание быка на мулету, чтобы использовать возможность «акта снисхождения», так называемой *la puntilla*.

Окончание на 28-29 стр.

*Атака в ущелье Сомосьерры.
Картина В. Коссака*

Начало на 14-й стр.

ЭТО мощный удар стилетом в становой хребет у самих рогов. Прodelывает это один из бандерильеро. Под всеобщее молчание публики короткий удар завершает жизнь второго быка.

Suerte de matar в четвёртом бое оканчивается молниеносно, а *volapie*: бык валится, как подкошенный.

Palmas! Palmas! Palmas!

Публика требует от президента удостоить матадора *orejos* за скорое умерщвление быка и отвагу, проявленную во время схватки. Президент уступает просьбе толпы. Улыбающийся эспада собственноручно отрезает быку уши и обходит арену держа их высоко над головой. Толпа неистовствует. Со стадиона на всю Испанию летят телеграфные сообщения, что новый эспада удостоен ушей быка. Это счастливейший момент в жизни любого тореадора. Советник сообщает, что иногда толпа достаивает хвоста или ноги, однако классической и самой почётной формой является отрезание ушей мёртвому быку.

Пятую встречу начинает всадник на великолепном коне.

По случаю больших праздников на арену иногда допускаются любители; преимущественно это люди из аристократических сфер или заводчики боевых быков. Всадник атакует быка, сидя на роскошном коне так, как в былые времена это делали короли.

— Это так называемое *SOBRE EL TOREO A CABALLO*, — поясняет нам советник.

Всадник галопом отрывается от быка и останавливается перед ним метрах в пятнадцати. Бык, замечая неподвижно стоящего

ЗНАЧИТ

перед ним противника, срывается в его направлении, стараясь силой инерции разнести одним ударом и коня, и наездника. В миг, когда бык вскидывает рога и летит как снаряд, чтобы стереть с поверхности арены своего врага, всадник шпорами поднимает коня на задние ноги и одновременно разворачивает его на четверть оборота. Летящая уже в воздухе бычья туша попадает в никуда и валится на песок арены, кувыряясь в клубах пыли.

После нескольких подобных эволюций наездник галопом догоняет быка и всаживает ему в загривок две бандерильи. Этот замечательный наездник выступил, к сожалению, всего лишь раз.

Во время последнего боя арена на момент пустеет. Матадор оглашает своё посвящение. Неожиданно над ограждением, отделяющем публику от арены, появляется человеческая фигура. Вокруг неё забурило и тут же её с барьера стащили. Советник, который при этой сцене приподнялся с лавки, говорит, что по-видимому мы лишились самой большой сенсации, которую можно было бы встретить на боях быков. Это так называемый *ESPONTANEO*. Случается, что молодые люди из зрителей, охваченные жадой получить «одну лишь сладостную улыбку от обожаемой женщины», *uno dulce sorriso de mujer querida*, бросаются с припасённой заранее мулетой в руке в схватку с быком и, чаще всего, гибнут, будучи раздавленными разъярённым животным на глазах десятка тысяч зрителей и этой единственной возлюбленной. Вполне вероятно, что сейчас именно такого *espontaneo* и задержали.

Похоже, что нам не повезло. Советник, желая скрасить наше разочарование, рассказал о *espontaneo*, которого лично наблюдал во время боя быков в Мадриде.

Несколько лет тому назад в польское посольство прибыл кавалерийский офицер, племянник одного из высших чиновников

этого нашего дипломатического представительства. На балу в посольстве кавалерист насмерть влюбился в известную в Мадриде красавицу из княжеского рода. Девушка, желая дипломатично избавиться от поклонника, во время боя быков пообещала офицеру, что станет его женой, если тот выступит на арене и быка убьёт.

Путь через Королевскую академию и лицензию убийцы быков показался кавалеристу непомерно долгим, не мог он себе такого позволить для обретения спутницы жизни. Если, как известно, нашу конницу сто двадцать лет тому назад не устрасила артиллерия десяти тысяч испанцев под Сомосьеррой¹¹, то и теперь разве приведёт кавалериста в ужас какой-то паршивый бычок?

Как только неосторожно произнесённые слова *de mujer querida* были кавалеристом осознаны, он ловко перемахнул барьер, отделявший его от арены, и направился к быку. Толпа стихла. Все повставали с мест. В момент, когда кавалерист выскочил на арену, бык — свежий и нетронутый — поджидал пикадора. Вблизи *espontaneo* не оказалось никого, кто бы смог его задержать либо вывести с арены. При виде кавалериста бык сорвался «с копыт», и набирая скорость, надвигался как лавина. Спасать было поздно. Кавалерист, чувствуя на себе взгляд возлюбленной, даже не шевельнулся. Когда дистанция сократилась до десятка с небольшим шагов, *espontaneo* Polaco извлёк из-за пазухи кавалерийский пистолет и всадил в быка всю обойму пуль. Бык вспорол ноздрями песок и без помощи *la puntilla* больше уже и не дрогнул.

Кавалеристу причитались: *palmas, orejos и mujer*. В нашем же случае — вся целиком и полностью испанская княжна, а не единственная её сладостная улыбка в момент его гибели на арене. А вот в глазах испанцев было это третьим после Сомосьерры и Сарагоссы¹² унижением,

¹¹ Сомосьерра — перевал в Кастильских горах, где 30.11.1808 г. польская кавалерия в лихой атаке разбила оборону испанских войск, открыв Наполеону путь на Мадрид (примеч. переводч.)

¹² Сарагосса — город в Испании, в осаде и взятии которого в 1808–1809 гг. активное участие принимал Привислинский легион (примеч. переводч.)

КАПИТАН

полученным от поляков. В один миг вся взбешённая «святотатством» толпа очутилась на арене. Каким образом нашему кавалеристу удалось избежать растерзания и молниеносно очутиться в самолёте, летящем во Францию, этого никто в посольстве так и не понял.

Под аплодисменты, заслуженные последним тореадором, мы покидали *Plaza de Toros*. Затем советник отвёл всех нас на расположенную недалеко маленькую площадь, на которой дети играли в тореадоров. Одни держали в руках мулету и шпагу, другие таскали по песку учебное пособие Королевской академии в виде оси с двумя колёсами, с высокой подставкой, на которой помещались настоящие рога. Это устройство превосходно имитировало быка.

В другом городе наше внимание привлёк плотный круг зрителей, внутри которого проходила почти настоящая схватка с быком. Протиснувшись мы сквозь детей и увидели собаку, на которую была напялена шкура телёнка с прикрепленными на голове рогами. Собака с полным пониманием изображала движения атакующего быка. Каждый его удар рогами в тореадора награждался бурными аплодисментами. Семилетний мальчуган, одетый в костюм тореадора, но без золотого и серебряного шитья, был настоящим мастером. Он честно заслужил небольшую косичку, *la coleta*, пристёгнутую к причёске. Его заигрывания, *pinturerias*, исполнялись артистично. *La muleta* обвивала его тело как язык пламени, *el pase de pecho* были столь изящны, что впервые мы всю рукоплескали во время корриды и

стали лучше понимать лоцманов. Но больше всего нас восхитил пёс, исполнявший роль быка.

Вернувшись на судно, мы узнали от «третьего», что капитан из соображений приличия был-таки на бое быков, но покинул *Plaza de Toros* в середине представления. Челюсть капитана, говорят, предвещала УРАГАН, поскольку в ходе наблюдения за боями он ещё больше утвердился в справедливости своего мнения.

Конечно же, капитан замечал теперь лишь третьего офицера, не обесчещенного корридой. Нас же в упор не видел. И подумалось тогда, что от этих «быков» нам ещё долго не отделаться.

Пока же ночи Севильи наполнялись голосами цикад. Днём на базарах их можно было купить в миниатюрных клеточках, выкрашенных в розовый цвет. В каждой клетке за медными прутиками сидел маленький узник. Мы их называли сверчками. Это были самцы, старающиеся «пением» привлечь самок. Древние утверждали, что самцы-цикады счастливы, поскольку их «жёны» немы. Нам на судне пение цикад счастья не доставляло, поскольку не давало капитану заснуть. Мы с нетерпением ожидали выхода из Севильи и «успокоительного» капитанского сна.

Когда, наконец, за горизонтом исчезло устье Великой реки, мы отметили, что на наше судно прокралась-таки цикада. На океане во время вахт до нас доносились «взывания супруга» и замечали мы капитана, который с фонариком ходил по мостику и неутомимо что-то искал.

Три ночи подряд капитан настойчиво искал в шлюпке около своей каюты тоскующего певца. С каждым днём он становился всё менее выспавшимся и более раздражённым. Говорил он только с «третьим». Офицеры днём и ночью ходили вокруг капитана на цыпочках и лихорадочно искали цикаду во всех закоулках на мостике и в «подозрительной» шлюпке. Вся наша жизнь была отравлена этим пением.

Цикады на арфах символизировали музыку, цикада на

судне стала для нас символом капитанской бессонницы и наших терзаний. Лицо «третьего» сияло. Под любым предлогом с таинственной улыбкой интересовался он у нас, что такое *la muleta*? А когда замечал, что капитан «подтягивает» гайки корабельной дисциплины, радостно потирал руки и повторял: *la muleta! la muleta!*

На четвёртый день наших мучений в кают-компанию случайно заглянул провизионщик. Вестовой, убиравший офицерские каюты, спросил у него при нас, когда ему зайти за салатом для третьего офицера:

— Нужен один салатный листик, — пояснил он.

Нежданно осенённые, мы выскакивали из-за стола и ускоренным шагом бросились к каюте «третьего».

— Где сверчок? — спросили мы без объяснений.

— Какой сверчок? — притворялся он, что не понимает.

— Ну, цикада эта! Где она? Мы всё знаем! Ты салатным листиком не наешься, это корм для сверчка!

— *LA MULETA!* — сказал он обрадованно и извлёк из шкафа клетку со сверчком.

На ночь он ставил клетку на отражатель электрообогревателя, который помещал перед открытым иллюминатором. Отражённое рефлектором пение цикады явно прослушивалось в шлюпке, которую все мы, с капитаном и без него, стократно обыскали. Безрезультатно.

— *La muleta! La muleta!* — повторял удовлетворённый своей местью «третий». Мы изъяли у него клетку и передали её на хранение одному из механиков.

Вечером, во время вахты, мы с изумлением услышали голос «третьего», докладывающего капитану, что цикады больше нет.

— Значит, откуда вам известно, что её нет? — спросил капитан.

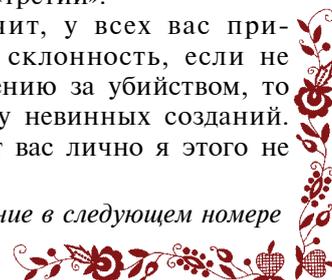
— Потому, что я поймал её в шлюпке и выбросил за борт, — похвалился «третий».

— Значит, у всех вас присутствует склонность, если не к наблюдению за убийством, то к убийству невинных созданий. Значит, от вас лично я этого не ожидал!

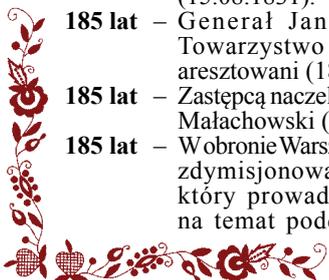
Продолжение в следующем номере

Цикада

- 930 lat** – Urodził się Bolesław III Krzywousty (20.08.1086).
- 880 lat** – Wydanie przez papieża Innocentego II w Pizie tzw. *Bulli gnieźnieńskiej*, która potwierdziła niezależność Kościoła Polskiego od arcybiskupstwa w Magdeburgu (7.07.1136).
- 550 lat** – Zdobycie zamku w Chojnicach, ostatniej twierdzy krzyżackiej na Pomorzu Gdańskim (28.09.1466).
- 510 lat** – Niespodziewany najazd Tatarów wojska litewskie zatrzymały pod Kleckiem (6.08.1506).
- 510 lat** – Zmarł król Aleksander Jagiellończyk (19.08.1506).
- 510 lat** – Król wicz Zygmunt Jagiellończyk został wybrany wielkim księciem litewskim (13.09.1506).
- 495 lat** – W katedrze wawelskiej zawieszono dzwon Zygmunta odlany z armat zdobytych na wojnie z krzyżakami (9.07.1521).
- 485 lat** – Zmarła królowa polska Konstancja, druga żona Zygmunta III Wazy, matka Jana II Kazimierza Wazy (10.07.1631).
- 365 lat** – Trzydniowa bitwa polsko-kozacka pod Beresteczkiem zakończona znakomitym zwycięstwem oręża polskiego (28–30.07.1651).
- 365 lat** – W Pawłowcy zmarł nagle książę Jarema Wiśniowiecki (20.08.1651).
- 365 lat** – Po nierozstrzygniętej bitwie pod Białą Cerkwią hetman Mikołaj Potocki zawarł ugodę, która zmniejszyła swobody i przywileje Kozaków. Rejestr zmniejszono do 20 tysięcy (28.09.1651).
- 360 lat** – Bitwa warszawska ze Szwedami zakończyła się porażką armii Jana II Kazimierza (28–30.07.1656).
- 345 lat** – Hetman Jan Sobieski pokonał siły Piotra Doroszenki pod Braclawiem (26.08.1671).
- 320 lat** – Sejm konwokacyjny został zerwany, co było pierwszym przypadkiem w dziejach parlamentaryzmu polskiego (29.08.–27.09.1696).
- 315 lat** – Car Piotr I zobowiązał się do wsparcia Augusta II i przekazał mu 5 tysięcy żołnierzy i pożyczkę w wysokości 200 tysięcy dukatów (9.09.1701).
- 310 lat** – Wojska króla Szwecji Karola XII zajęły Saksonię. W traktacie w Altranstädt August II zrzekł się tytułu króla polskiego na rzecz Stanisława Leszczyńskiego (24.09.1706).
- 295 lat** – Rosja i Szwecja zawarły pokój w Nystad, kończący wojnę Północną. W granicach Rosji znalazły się całe Inflanty. Rzeczpospolita przestała graniczyć ze Szwecją (10.09.1721).
- 280 lat** – Pojednanie Augusta III ze szlachtą na sejmie pacyfikacyjnym (9.07.1736).
- 245 lat** – Klęska konfederackiego wojska dowodzonego przez hetmana wielkiego litewskiego Michała Kazimierza Ogińskiego w bitwie pod Stołowiczami z wojskiem rosyjskim dowodzonym przez generała Aleksandra Suworowa (23.09.1771).
- 220 lat** – Zmarł biskup Adam Naruszewicz, historyk i poeta (8.07.1796).
- 190 lat** – Zmarł namiestnik Królestwa Polskiego generał Józef Zajączek. Jego uprawnienia przejęła Rada Administracyjna (28.07.1826).
- 185 lat** – Generał Jan Skrzynecki został pozbawiony funkcji naczelnego dowódcy. Jego miejsce zajął na kilka dni generał Henryk Dembiński (11.08.1831).
- 185 lat** – Rozruchy w Warszawie na skutek których powieszono trzech generałów oskarżonych o działania na szkodę powstania, oraz zabito około 30 osób podejrzanych o szpiegostwo. Adam Czartoryski opuścił kraj. Sejm mianował nowym prezesem rządu generała Jana Krukowieckiego (15.08.1831).
- 185 lat** – Generał Jan Krukowiecki zdelegalizował Towarzystwo Patriotyczne. Przywódcy zostali aresztowani (18.08.1831).
- 185 lat** – Zastępcą naczelnego wodza został generał Kazimierz Małachowski (20.08.1831).
- 185 lat** – W obronie Warszawy poległo 11 tysięcy żołnierzy. Sejm zdymisjonował generała Jana Krukowieckiego który prowadził rokowania z nieprzyjacielem na temat poddania stolicy i nowym prezesem rządu wyznaczył Bonawenturę Niemojowskiego (6–7.09.1831).
- 185 lat** – Naczelnym wodzem generał Kazimierz Małachowski podpisał akt kapitulacji Warszawy. Rząd przeniósł się do Płocka (8.09.1831).
- 185 lat** – Nowy naczelnym dowódcą generał Maciej Rybiński rozpoczął rokowania (10.09.1831).
- 185 lat** – Na swym ostatnim posiedzeniu w Płocku sejm uchwalił zawieszenie powstania odrzucając żądanie bezwzględnej kapitulacji (23.09.1831).
- 175 lat** – Michał Czajkowski zwany Sadykiem Paszą założył w Stambule Agencję Główną (25.08.1841).
- 160 lat** – Zgodnie z zapowiedzią car Aleksander II ogłosił amnestię dla polskich zesłańców politycznych, z której skorzystało około 10 tysięcy osób (7.09.1856).
- 155 lat** – W Paryżu zmarł książę Adam Jerzy Czartoryski. Kierownictwo *Hotelu Lambert* przejął jego syn Władysław (15.07.1861).
- 155 lat** – W Warszawie, Lublinie, Kownie, Wilnie odbyły się manifestacje z okazji rocznicy zawarcia unii lubelskiej (12.08.1861).
- 150 lat** – Namiestnikiem Galicji został ponownie hrabia Agenor Gołuchowski. Wkrótce, za zgodą rządu austriackiego spolszczył administrację (20.09.1866).
- 135 lat** – W Warszawie utworzono *Kasę imienia Mianowskiego* wspierającą twórczość naukową. Przy pomocy kasy wydano między innymi *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego* oraz *Słownik języka polskiego* (12.07.1881).
- 110 lat** – Wanda Krahelska, Zofia Owczarkówna i Albertyna Helbertówna dokonały zamachu na generał-gubernatora Georga Skaloną rzucając z balkonu bombę na powóz dygnitarza (18.08.1906).
- 110 lat** – Władze carskie zalegalizowały w Królestwie Polskim organizację gimnastyczną „Sokół” (4.09.1906).
- 100 lat** – Podczas natarcia korpusu rosyjskiego w krwawych walkach pod Polską Górą koło Czartoryska z 6 tysięcy żołnierzy legionowych pod wodzą Piłsudskiego 2 tysiące poległo, zostało rannych lub zaginionych (4–6.07.1916).
- 100 lat** – Generał Józef Haller został dowódcą II Brygady Legionów (11.07.1916).
- 100 lat** – Brygada Strzelców Polskich stoczyła bitwę z oddziałami niemieckimi nad rzeką Szczarą pod Baranowiczami (27.07.1916).
- 100 lat** – Józef Piłsudski podał się do dymisji ze stanowiska dowódcy I Brygady na znak protestu na brak reakcji Naczelnej Komendy armii austro-węgierskiej na żądanie wyodrębnienia Legionów w samodzielny korpus polski i podjęcia decyzji w sprawie przywrócenia Polsce niepodległości (29.07.1916).
- 100 lat** – Rada Pułkowników w memoriale do Naczelnego Komitetu Narodowego żądała, aby domagał się od władz austriackich jasnej i wiążącej deklaracji w sprawie polskiej (20.08.1916).
- 100 lat** – Dekret cesarza Franciszka Józefa I o przekształceniu Legionów w Polski korpus posiłkowy w składzie dwóch dywizji (20.09.1916).
- 100 lat** – Została przyjęta dymisja Józefa Piłsudskiego ze stanowiska komendanta I Brygady Legionów. W jego ślady poszło wielu oficerów legionowych (26.09.1916).
- 95 lat** – Rząd Wincentego Witosa podał się do dymisji (13.09.1921).
- 95 lat** – Polska Marynarka Wojenna w ramach podziału floty niemieckiej otrzymała 3 torpedowce: „Kaszub”, „Krakowiak” i „Kujawiak” (18.09.1921).
- 95 lat** – Powołano pozaparlamentarny rząd Antoniego Ponikowskiego (20.09.1921).
- 95 lat** – Nieudany zamach na Józefa Piłsudskiego we Lwowie, przygotowany przez Ukraińską Organizację Wojskową (25.09.1921).
- 95 lat** – Ogólnopolski spis powszechny ludności wykazał, że na terytorium Rzeczypospolitej mieszkało ponad 27 milionów osób, w tym 69,2% Polaków, 14,3% Rusinów, 7,8% Żydów, 3,9% Białorusinów, 3,9% Niemców i 0,9% innych narodowości (30.09.1921).
- 50 lat** – Zmarł Jan Brzechwa, poeta, satyryk, autor książek dla dzieci (2.07.1966).

Do swej niebogi nie ma zlej drogi

Для милого дружка и семь вёрст не околица

Stary przyjaciel, stare wino, stare złoto są najlepsze

Друг, как и вино – чем старше, тем лучше

Zgoda buduje, a niezgoda rujnuje

Дружно – не грузно, а врозь – хоть брось

Gość w dom, Bóg w dom

Для дорогого гостя и ворота настезь

Kto drogi skraca, ten do domu nie wraca

Самая короткая дорога – знакомая

Gdzie grosz leży, drugi bieży

Деньги к деньгам льнут

Nie zawsze co tanie, to zle

И дешёво, и сердито

Używaj świata, póki służą lata

Кукуй, кукушечка, пока молода

Pracowitemu dzień się nie dłuży

За делами дня не видно

Jeden prawdziwy przyjaciel lepszy, niż wielu krewnych

Верный друг лучше сотни слуг

W małym ciele wielki duch

Мал, да удал

Nie dla psa kielbasa, nie dla kota szperka

Есть-то есть, да не про вашу честь

**WIADOMOŚCI
POLSKIE**

Nr 3 (51) 2016 r.

**ПОЛЬСКИЕ
ВЕДОМОСТИ**

№ 3 (51) 2016 г.

PISMO POLAKÓW Z POŁUDNIA ROSJI.

Poczta elektroniczna: wiadpol@mail.ru. Nakład 999 egz.

Redaktor naczelny – Aleksander SIELICKI: tel. +7 918 217 9077

Sekretarz – Aleksander PIOTROWSKI: P.O.Box 30, Krasnodar–centrum, 350000, Rosja

ИЗДАНИЕ ПОЛЯКОВ ЮГА РОССИИ.

Электронная почта: wiadpol@mail.ru. Тираж 999 экз.

Главный редактор – Александр СЕЛИЦКИЙ: тел. +7 918 217 9077

Секретарь – Александр ПЕТРОВСКИЙ: А.Я. 30, Краснодар-центр, 350000, Россия

Cerkiew Świętej Paraskewy Piatnicy w Wilnie